050

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ и Юріемъ Бартеневыми.

...Дорогія имена
Передаетъ народъ устами
И сохраняетъ письменами.

Случевскій.

1900.

КНИГА ПЕРВАЯ

Инв. 274.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

Александровская ученая библиотека г. Самары

ИЗЪ УКРАИНСКОЙ СТАРИНЫ.

Моя родословная.

Я родомъ съ Украины, и все, касающееся моей родины, меня чрезвычайно интересуетъ. А между тѣмъ какъ мало еще является въ печати извѣстій о нашемъ краѣ—воспоминаній, записокъ, семейныхъ хроникъ, особенно позднѣйшаго происхожденія. Точно будто спитъ крѣпкимъ сномъ милая, зеленая Украйна. При этомъ условіи всякая вѣсточка о ней можетъ не быть лишена интереса, хотя бы только мѣстнаго. Вотъ почему я рѣшаюсь на попытку напечатать свою хронику, задуманную для себя и своихъ.

У насъ трудно говорить о семейной старинѣ; трудно, вслѣдствіе бѣдности семейныхъ преданій, изъ-за повальнаго равнодушія нашего къ своему прошлому. Объ отцовскомъ родѣ мнѣ почти нечего сказать. Отецъ мой, Дмитрій Григорьевичъ Башкирцевъ, былъ уроженецъ Чугуева, когда-то крайняго укрѣпленнаго и населеннаго пункта на Югѣ Россіи. Въ Апрѣлѣ 1638 года пришлые Черкасы съ гетманомъ Яцкомъ Остренинымъ (Остраницею) просили у Бѣлгородскаго воеводы дозволенія устроить крѣпостцу на Югѣ, для отраженія Татарскихъ набѣговъ и самимъ тамъ поселиться. Дозволеніе дали, а черезъ годъ Московское правительство прислало Бѣлгородскому воеводѣ указъ о доставкѣ въ *Чугуево Городище* хлѣба для посѣва. Потомъ назначенъ былъ въ Чугуевъ воеводой кн. Щетининъ со стрѣльцами и боярскими дѣтьми. Вскорѣ между Черкасами начались раздоры. Воевода не сумѣлъ помирить ихъ между собою, не сумѣлъ заставить ихъ повиноваться ему или ихъ гетману. Они убили своего гетмана и сами бѣжали въ Польшу *). Нѣкоторые изслѣдователи Украинской ста-

*) Во всемъ, что́ касается исторіи Чугуева и Украйны вообще я придерживаюсь вѣрныхъ источниковъ: Преосв. Филарета въ *Описаніи Харьковской Епархіи*, П. Головинскаго въ *Исторіи Слободскихъ казачьихъ полковъ*, г. Багалѣя въ его трудахъ по исторіи Украйны и т. п. Изъ семейныхъ преданій я помѣщаю лишь то, чему вышеназванные источники не противорѣчатъ.

рины убѣждены, что Чугуевскій Остраница—тотъ самый знаменитый гетманъ, который былъ разбитъ Поляками подъ Старицей *); но того Остраницу звали Степаномъ, и откуда нибудь взялось же извѣстіе, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ и зажаренъ въ мѣдномъ быкѣ въ Варшавѣ. Другіе (преосв. Филаретъ) считаютъ Яцка его братомъ. Послѣднее мнѣніе всегда казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Впослѣдствіи сформировался Чугуевскій казачій полкъ, вѣроятно изъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ съ потомствомъ, т. к. о переселеніи въ Чугуевъ Черкасъ нѣтъ больше извѣстій, да и вообще въ Чугуевскомъ населеніи Малорусскій элементъ почти незамѣтенъ. Конечно этотъ полкъ имѣлъ свою военную исторію, участвовалъ въ разныхъ войнахъ и походахъ (между прочимъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта) и при Екатеринѣ II, кажется, въ 1765 году, былъ переименованъ въ уланскій. Въ теченіи своего военнаго существованія онъ конечно получалъ монаршія награды и милости; въ числѣ ихъ ему дано было право въ мирное время быть на постоянныхъ квартирахъ непремѣнно въ Чугуевѣ. Объ этомъ правѣ въ 1856 г. на коронаціи напомнилъ Александру II шефъ-полка, графъ Никитинъ, когда, по возвращеніи изъ Крыма, Чугуевскому полку назначена была стоянка въ Сватовой Лучкѣ (Ново-Екатеринославлѣ на Аракчеевскомъ языкѣ, столицѣ кирасирскаго поселенія Харьк. г. Купянскаго уѣзда). Полкъ перевели въ Чугуевъ; но это напоминаніе, говорятъ, не понравилось. Вскорѣ послѣ смерти графа Никитина полкъ опять выбылъ изъ Чугуева и болѣе туда не возвращался.

По разсказамъ старожиловъ Чугуевъ когда-то былъ прелестнымъ мѣстечкомъ. Расположенный на высокимъ берегу Донца, весь покрытый плодовыми садами, онъ славился красотой своего мѣстоположенія, обиліемъ фруктовъ, особенно чудесныхъ сливъ и бергамотъ, рыбнымъ богатствомъ, щегольствомъ и зажиточностью своего населенія и красотой женщинъ. Нужно впрочемъ думать, что условія мѣстной жизни не способствовали обогащенію однихъ сравнительно съ другими: въ Чугуевѣ не было богатыхъ такого рода, какъ они появились скоро между чиновнымъ людомъ другихъ слободскихъ полковъ.

Вѣроятно въ пору преобразованія этихъ полковъ первые чины получили дворянское званіе и слѣдов. право владѣть крѣпостными; нашъ дѣдъ или прадѣдъ былъ въ томъ числѣ. Кажется, этому праву не очень обрадовались и не сейчасъ имъ воспользовались; по крайней мѣрѣ у насъ крѣпостные появились гораздо позже.

---

*) Г. Багалѣй.

О дѣдѣ и прадѣдѣ со стороны отца я ничего не слышала. Кто-то изъ нихъ, говорятъ, умеръ отъ водобоязни: онъ шелъ изъ бани и вздумалъ приласкать любимую дворняжку, а она укусила его за палецъ. Но мать отца, бабушку Наталью Никифоровну, я живо помню: высокая благообразная старуха, между 70 и 80 годами, всегда въ темномъ платьѣ и всегда повязанная чернымъ головнымъ платкомъ, какъ простолюдинки, что̀ конфузило немало впослѣдствіи ея невѣстокъ, особенно тетушку Елену Дмитріевну, которая была помоднѣе моей матери. Говорили, что когда-то бабушка Н. Н. была красавицей. Встарину весь Чугуевскій людъ придерживался старой вѣры: бабушка, кажется, такъ и умерла потаенной староверкой.

У бабушки выросло четверо дѣтей: два сына и двѣ дочери. Старшій изъ сыновей—Дмитрій, мой отецъ (род. въ 1796 г.); а меньшой—Павелъ (1798 г.). Изъ дочерей одна вышла за пьянаго здоровеннаго офицера Мамина и скоро умерла отъ сладкой семейной жизни, оставивъ малютку—дочь Александру; другая попала какими-то судьбами за простого поселянина, что̀ отъ насъ, слѣдующаго поколѣнія, старательно скрывали, и я узнала это впослѣдствіи только случайно. Вѣроятно она *согрѣшила*: я знаю нѣсколько случаевъ подобныхъ mésalliance'овъ у дворянокъ небогатыхъ и не сумѣвшихъ удержаться на подобающей высотѣ.

Въ должное время отецъ и дядя были отвезены въ Петербургъ, въ *Дворянскій эскадронъ*. Отвозилъ ихъ туда помѣщикъ Максимъ Максимычъ Ковалевскій, впослѣдствіи бывшій долго Харьковскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ это въ Институтѣ, въ одно изъ посѣщеній племянницы своей, а моей подруги. Почему пало на него это порученіе, не знаю. Тогда, въ началѣ нашего столѣтія, онъ и самъ былъ конечно очень еще молодымъ человѣкомъ; но во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ говорилъ мнѣ объ участіи своемъ въ судьбѣ моего отца, онъ казался совершеннымъ старцемъ. Онъ вскорѣ женился, и женитьба его въ такіе поздніе годы несказанно удивила не только насъ, дѣтей, но и весь Харьковъ... Отъ этого брака родился Московскій профессоръ Ковалевскій, тоже Максимъ Максимычъ. Изъ дворянскаго эскадрона отецъ былъ выпущенъ въ драгуны (1814 г.); а дядя, по меньшей успѣшности занятій, въ пѣхоту. Не знаю, былъ ли отецъ за границей въ 1814—15 г.г.; но онъ интересовался Наполеоновскими войнами и выписывалъ потомъ сочиненія, къ нимъ относящіяся. Вскорѣ потомъ въ Чугуевѣ началась та ломка, то страшное разрушеніе и созиданіе, которымъ сопровождалось

устройство тамъ *Военнаго Поселенія*. Послышался плачъ и скрежетъ зубовъ, полились потоки крови, пошла *Аракчеевщина*, однимъ словомъ. «Шестидесятилѣтнихъ стариковъ гоняли сквозь строй», говорилъ мнѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ старикъ - поселянинъ, въ молодости бывшій свидѣтелемъ этого террора. Окрестный народъ звалъ Чугуевскихъ жителей *Немогéмами*. Это вотъ почему. Вѣроятно ради гуманныхъ влеченій Александра I, устроители поселенія присоединяли гнусное лицемѣріе къ прославившей ихъ жестокости: все-де у насъ дѣлается по доброй волѣ, по согласію. «Соглашаетесь ли вы перейдти на новое положеніе?» спрашивали у истязуемыхъ Чугуевцевъ послѣ экзекуціи. «Не могéмъ», т. е. *не можемъ*, отвѣчали они на мѣстномъ жаргонѣ, и экзекуція продолжалась. Многіе такъ и умерли на мѣстѣ *немогéмами*.

Тѣмъ не менѣе поселеніе конечно устроилось. Прелестный зеленый Чугуевъ распланированъ на казенный ладъ, драгоцѣнные фруктовые сады вырубили, широкія улицы обставили въ одномъ разстояніи другъ отъ друга, одинаковыми домиками для поселянъ; устроили мостовыя и тротуары. Тамъ-сямъ воздвигли большіе домà для большаго начальства, домà поменьше для начальства поменьше и маленькіе однообразные домики для зауряднаго офицерства; соорудили зданія для разныхъ штабовъ (корпусный штабъ, дивизіонный, штабъ восьми округовъ и четырехъ округовъ и т. п.) и для потребностей войска манежи, конюшни, пожарни, трубаческіе, *дѣловые дворы*, гдѣ *рабочей командою* сооружалось все нужное для полковаго хозяйства: солдатская одежда, обувь, амуниція, сѣдла, фуры, иногда даже экипажи для полковаго командира или другаго начальства. Статный красивый народъ одѣли въ форменное полусолдатское платье. Только женщинъ какъ будто оставили въ покоѣ. Но ухудшеніе жизненныхъ условій, казенщина и военщина, скопленіе войска, обиліе начальства и офицерства, проституція и сифилисъ сдѣлали свое дѣло и здѣсь: красивыя женщины въ Чугуевѣ перевелись.

Собственниковъ не-поселянъ изъ Чугуева выселили; имъ всѣмъ вмѣстѣ отвели землю и угодья верстахъ въ 25 отъ Чугуева. Множество мелкихъ панковъ (40 человѣкъ по народному счету) разомъ нахлынуло въ сельцо, которое тотчасъ получило уличное прозвище *Сороковки*. Бабушкѣ Башкирцевой съ семьей тоже досталось тамъ нѣсколько десятковъ десятинъ земли въ замѣнъ отобранной Чугуевской усадьбы; всю эту землю братья отдали сестрѣ своей Маминой.

Извѣстно, что идея военныхъ поселеній была крайне непопулярна въ обществѣ съ самаго своего возникновенія; но насиліе и жесто-

кость при ея осуществленіи сдѣлали поселенія всѣмъ ненавистными [1]). Офицеры считали щекотливымъ для себя служить въ полкахъ, расположенныхъ въ поселеніи, и безпрестанно просились въ переводъ или подавали въ отставку, такъ что начальство нашло нужнымъ принять принудительныя мѣры: отставки и переводы были запрещены и, чтобъ пополнить уже оказавшуюся убыль офицеровъ, придуманы были нѣкоторыя преимущества для офицерства поселенныхъ полковъ, напримѣръ, нѣсколько усилено было ихъ жалованье. Не знаю, какъ смотрѣлъ отецъ на учрежденіе военнаго поселенія, но на службу въ немъ онъ смотрѣлъ повидимому съ точки зрѣнія выгодности ея для него въ матеріальномъ отношеніи и при первой же возможности перешелъ въ Чугуевскій полкъ, а потомъ, собравшись со средствами, перевелъ туда и меньшого горячо любимаго брата, съ которымъ до самой смерти своей жилъ душа въ душу.

Фронтовая кавалерійская служба однако плохо давалась отцу. Онъ былъ человѣкъ рослый и сильный, хотя и худощавый, но неловкій и немного неуклюжій. Очень радъ онъ былъ, когда его выбрали полковымъ квартирмейстеромъ. Полковое хозяйство велось въ поселеніи много экономнѣе и выгоднѣе для казны, чѣмъ на *вольныхъ квартирахъ*; начальство и должностные не могли разсчитывать на большіе доходы, но отецъ былъ до крайности бережливъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, и въ пору первой молодости у нихъ часто случалось безденежье. «Да вѣдь у тебя есть деньги: ты на прошлой недѣлѣ спряталъ столько-то», говорилъ ему дядя, тогда еще неразсчетливый молодой человѣкъ. «Ну, тѣ деньги нельзя трогать», возражалъ ему отецъ: «онѣ не для теперешней нашей жизни. Я вотъ женюсь когда-нибудь, у меня дѣти будутъ: имъ-то эти деньги понадобятся».

Вскорѣ отецъ совсѣмъ бросилъ полкъ, перешелъ на поселенную службу и былъ назначенъ волостнымъ командиромъ въ Чугуевѣ [2]).

Но фронтовая служба дядѣ моему оказалась не мачихой, а родной и нѣжной матерью. Дядя былъ выше средняго роста ловкій молодецъ съ звучнымъ голосомъ и стройнымъ станомъ; посадка у него была великолѣпная. Фронтовая служба пригрѣла его и приголубила;

---

[1]) Военныя поселенія принадлежали къ числу опытовъ либеральнаго кабиненнаго деспотизма, который иногда бываетъ страшнѣе всякаго другаго: будь благополученъ не по своему, а по моему. П. Б.

[2]) Украинское военное поселеніе состояло изъ 8 округовъ: первые четыре Кирасирскіе, въ Купянскомъ и отчасти Старобѣльскомъ уѣздахъ съ главнымъ мѣстечкомъ *Ново-Екатеринославлемъ* или *Сватовой Лучкой* по народному. Другіе четыре округа Уланскіе въ окружностяхъ Чугуева. Въ округѣ было 3 волости. Всѣ chef-lieux были переименованы: Печенѣги—въ Ново-Бѣлгородъ, Балыклея—въ Ново-Серпуховъ и т. д.

ей столько же, какъ уму своему и энергіи, а можетъ быть и еще больше, онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ и богатствомъ.

*

Но если отецъ мой былъ скромнаго происхожденія, за то моя мать, по женскому колѣну, была изъ рода Донецъ-Захаржевскихъ, одной изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ мѣстныхъ фамилій.

Въ XVII вѣкѣ, въ послѣднее время кровавой, почти непрестанной борьбы доживавшаго свой вѣкъ казачества съ Польшей, между прочими выходцами, нѣсколько дворянскихъ семей выселилось въ Россію и съ разрѣшенія Русскаго правительства разселилось по Слободской Украйнѣ, занимавшей нынѣшнюю Харьковскую г. и часть Воронежской и Курской. Въ числѣ этихъ семей были и Захаржевскіе. Новые пришельцы натурально принесли съ собой на свою новую родину старые Малорусскіе обычаи и распорядки. Тотчасъ, по образцу Малороссійскихъ казачьихъ полковъ, сами собой устроились слободскіе полки, необходимые тогда на Югѣ Россіи для отраженія частыхъ Татарскихъ набѣговъ. Эти полки имѣли каждый свое самостоятельное управленіе. Во всякомъ изъ нихъ полковникъ былъ гетманомъ въ миніатюрѣ: ему принадлежала военная, административная и судебная власть въ районѣ расположенія его полка; онъ могъ надѣлять свободными землями другихъ, могъ и себѣ взять сколько угодно земель въ вѣчное владѣніе. Подобно гетманской булавѣ у полковника былъ свой перначъ [1]) (шестигранная булава), своя гербовая печать, бывшая вмѣстѣ и полковою, и полковая хоругвь съ изображеніемъ св. угодника, покровителя полка. Въ Харьковской нынѣшней губерніи на первыхъ порахъ такихъ полковъ было три: Харьковскій, Сумской и Ахтырскій; потомъ къ нимъ присоединился и Изюмскій [2]). Первымъ

---

[1]) Такой перначъ сохранялся въ нашемъ родствѣ, и я его видѣла. Когда дѣлились между собою мать моя и ея братья и сестры, въ числѣ ненужнаго хлама оказалась какая-то кругловатая вещь, тяжелая, заплѣсневѣлая, зазелѣнѣлая, насаженная на палку. Никто не могъ рѣшить, что это такое. Раздѣлили старыя сковородки и кострюльки, а она никому не понадобилась. Наконецъ дядя Александръ вызвался взять ее на свою часть: на охотѣ-де пригодится волковъ бить. Потомъ ее обчистили; оказался серебряный перначъ, когда-то вѣроятно осыпанный драгоцѣнными каменьями, тогда уже повыкованными. Этотъ перначъ долго хранился у дяди въ кладовой. Волковъ имъ не били, а въ видѣ курьеза показывали любопытнымъ, что случалось рѣдко, чуть ли не мнѣ одной, сколько помню. Недавно я узнала дальнѣйшую исторію этого перпача: онъ долго сохранялся у вдовы дяди и наконецъ былъ купленъ какимъ-то любителемъ старины для Кіевскаго музея. Какой любитель, какой музей, тетушка не могла мнѣ пояснить: такъ ужъ она состарѣлась и потеряла память. Только и узнала я, что за перначъ заплатили ей 50 рублей.

[2]) Интересныя свѣдѣнія о слободскихъ полкахъ можно найдти въ книжкѣ П. А. Головинскаго *Слободскіе казачьи полки*, которая сдѣлалась теперь библіографическою рѣдкостью.

Харьковскимъ полковникомъ, послѣ *Репки*, вскорѣ убитаго своими подчиненными, былъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій, *Рука Властная*, какъ подписывались подъ своими универсалами первые слободскіе полковники въ подражаніе Малороссійскимъ гетманамъ. Григорій Ерофеевичъ пришелъ на Украйну Захаржевскимъ; дворянская южно-Русская фамилія Захаржевскихъ встрѣчается въ Польскихъ лѣтописяхъ: такъ подъ Оршею убитъ былъ какой-то ротмистръ Матвѣй Захаржевскій. Но *Донцомъ* Григорій Ерофеевичъ сдѣлался уже на Украйнѣ за частыя доблестныя битвы свои съ Татарами на берегахъ Донца. Степнымъ орломъ леталъ онъ по Украйнѣ и несмѣтное число разъ отражалъ воровскіе набѣги Крымской орды отъ предѣловъ своего новаго отечества *). И не одними военными подвигами извѣстенъ былъ Гр. Ер—чъ: онъ построилъ укрѣпленія на протяженіи 200 верстъ по Донцу, привелъ въ порядокъ и населилъ раззоренный Татарами Изюмъ (слободской городокъ, возникшій на мѣстѣ Татарскаго селенія Гузунъ, теперь уѣздный городъ въ Харьковской губерніи), гдѣ и самъ проживалъ въ послѣднее время жизни, продолжилъ Перекопскій валъ, въ началѣ имѣвшій всего 7 верстъ протяженія, насадилъ многое множество слободъ и наконецъ образовалъ Изюмскій казачій полкъ, которымъ правилъ со всѣмъ полковничьимъ полновластіемъ, между тѣмъ какъ его второй сынъ Константинъ былъ его наказнымъ полковникомъ. И это не все: Григорій Ерофеевичъ былъ также *мужъ совѣта*, человѣкъ со здравымъ политическимъ чутьемъ и силой убѣжденія. Когда гетманъ Брюховецкій затѣялъ отложиться отъ Россіи и вездѣ искалъ себѣ союзниковъ, послы его навѣдывались и въ Слободскую Украйну. Но Григорій Ерофеевичъ вмѣстѣ съ Сумскимъ полковникомъ Кондратьевымъ, понимая невыгоду союза съ отживающей свой вѣкъ гетманщиной противъ сильной и живучей Россіи, убѣдили полковую старшину и войско оставаться вѣрными царю Русскому. И Украйна не поколебалась въ этой вѣрности, не смотря на опустошительные набѣги гетманскихъ отрядовъ съ ихъ союзниками Татарами; она ихъ мужественно отражала и терпѣливо сносила раззореніе и всяческія бѣдствія, неизбѣжные спутники войны. Наградой за это были похвальныя грамоты слободскимъ полкамъ отъ царя Алексѣя Михайловича; но лучше всякой награды было то, что, убѣдившись въ вѣрности Слободской Украйны, Московское правительство продолжало держаться системы невмѣшательства въ ея внутренніе распорядки и предоставляло

*) „Григорій Ерофеевичъ громилъ враговъ въ разныхъ мѣстахъ, и острая сабля его плавала въ крови поганыхъ“, говоритъ Орновскій, панегиристъ фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ.

слобожанамъ разселяться и устраиваться на своей полной волѣ и по дѣдовскому казацкому обычаю. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Гр. Ер—чъ былъ личностью раболѣпной, слѣпо покорствующей придержащей власти и заискивающей у нея. Совсѣмъ напротивъ. Не знаю, до т. н. измѣны Брюховецкаго или послѣ нея, Московское правительство отправило въ Малороссію нѣкіихъ Зотова и Тяпкина, съ распоряженіями ли какими бывшими не всѣмъ по душѣ, или просто соглядатаями, для ознакомленія съ положеніемъ и распорядками Малорусскихъ и слободскихъ полковъ. Гр. Ер—чъ принялъ этихъ посланцевъ высокомѣрно и холодно, между тѣмъ какъ гетманъ и Сумской полковникъ Кондратьевъ всячески ихъ ублажали и чествовали.

Всегда у насъ на Руси въ старину дѣла̀ военной доблести шли объ руку съ дѣлами благочестія. Григорій Ерофеевичъ съ большимъ усердіемъ способствовалъ основанію монастырей въ подвластной ему мѣстности. При немъ и въ значительной степени его заботами и издержками основанъ былъ Куряжскій мужской монастырь и Хорошевскій женскій [1]).

Григорій Ерофеевичъ умеръ въ 1691 году. У него было три сына: Ѳедоръ, участвовавшій въ покореніи Кизикирмена и Тамани, Иванъ, отличившійся при возвращеніи оттуда полка и затѣмъ какъ-то безслѣдно исчезнувшій, и Константинъ, Изюмскій полковникъ, такой же боевой соколъ, какъ его отецъ; онъ былъ убитъ въ схваткѣ съ Татарами на *Гороховатскомъ шляху* въ 1692 г. [2]). Изъ этихъ трехъ сыновей перваго Донца мужское потомство осталось только у Константина.

Семья Захаржевскихъ владѣла тогда огромнымъ количествомъ земли въ нынѣшнихъ уѣздахъ: Харьковскомъ, Изюмскомъ, Зміевскомъ, Волчанскомъ и Валковскомъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ лучшія угодья въ этой мѣстности принадлежали Захаржевскимъ. Кромѣ земель, доставшихся дѣтямъ Григорія Ерофеевича отъ отца, дѣти Константина Григорьевича получили отъ Московскаго правительства знатное имѣніе Большой Бурлукъ (нынѣ Волчанскаго у. [3]), въ

---

[1]) Извѣстно, что казачество, устраивая мужскіе монастыри, имѣло между прочимъ цѣлью призрѣніе раненыхъ и изувѣченныхъ въ бою. Такіе монастыри назывались *Казацкими*.

[2]) Лѣтомъ 1878 г. мнѣ пришлось ѣхать въ Изюмъ этимъ самымъ Гороховатскимъ шляхомъ. Ночь была лунная и тихая. За 28 верстъ пути намъ не попалось ни одного жилья на виду, ни одного встрѣчнаго прохожаго или проѣзжаго. Но вездѣ кругомъ маячили миріады сѣнныхъ скирдовъ. Ночная тишь и лунный свѣтъ, придававшій имъ фантастическое освѣщеніе, порождали странную иллюзію: чудилось, что то̀ ползетъ поганая Татарва за добычей, что вотъ-вотъ вынырнутъ откуда-либо казаки, и начнется кровавая схватка.

[1]) Григорій Петровичъ Данилевскій въ своихъ интересныхъ разсказахъ объ Украинской старинѣ, въ числѣ имѣній своего предка, Пришибскаго сотника Данилы, называетъ

воздаяніе заслугъ дѣда и геройской смерти отца въ бою. Конечно, вскорѣ эти огромныя богатства стали уменьшаться чрезъ дѣлежи, приданыя дочерей, продажу земель, пожертвованія въ пользу монастырей и пр. Такъ, къ князьямъ Крапоткинымъ перешли, съ рукою дочери Ѳедора Григорьевича, деревни *Должикъ и Ефремовка*; Константинъ Гр—чъ выдѣлилъ дочери Авдотьѣ, вышедшей за Заруднаго, большое село *Хатное*; вдова Ѳедора Гр—ча продала Харьковскому полковнику Григорію Семеновичу Квиткѣ живописную *Основу* (подъ самымъ Харьковомъ), а самъ Ѳедоръ Гр—чъ еще ранѣе пожертвовалъ Куряжскому монастырю *Песочинъ*.

Сынъ Константина Григорьевича Захаржевскаго Михаилъ женатъ былъ на дочери Пришибскаго сотника Данилы (пращура Данилевскихъ), а сынъ Михаила Константиновича, тоже Михаилъ, послѣдній слободской Сумской полковникъ, женился на Шидловской.

Шидловскіе издавна считались одною изъ шляхетскихъ Малорусскихъ семей, выселившихся на Украйну въ концѣ XVII в. Но вотъ вышли *Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украйнѣ*; изъ нихъ оказывается, что они выселились изъ Польши въ XIV вѣкѣ и давно совсѣмъ обрусѣли. Самый извѣстный изъ Шидловскихъ въ исторіи, начальникъ надъ слободскими полками, генералъ-маіоръ Ѳедоръ Владимировичъ Шидловскій, былъ собственно стольникъ *Шиловъ*, по Малорусской модѣ того времени переиначившій свою фамилію на Польскій ладъ въ *Шидловскаго* *); онъ былъ женатъ на дочери перваго Донца—Ульянѣ. Шидловскіе болѣе другихъ Украинскихъ баръ обнаруживали близость къ Польской жизни, Польскій гоноръ, любовь къ роскоши и т. п. Ихъ старинный домъ въ Мерчикѣ, главной резиденціи Ѳ. Вл—ча, впослѣдствіи перестроенный по планамъ знаменитаго Растрелли, назывался *дворцомъ*, на манеръ Польскихъ вельможъ, у которыхъ всегда дворцы, а не дома. Но *Матеріалы* даютъ только документальные источники для исторіи Шидловскихъ; помимо ихъ, существуютъ еще преданія, которыя бываютъ иногда если не вѣрнѣе, то характеристичнѣе документовъ. Въ Валковскомъ у., Харьковской губ., мнѣ удалось слышать отъ одного образованнаго помѣщика интересные разсказы о Ѳ. Вл—чѣ, о которомъ Петръ Великій выразился будто бы, что Шидловскій-де *зѣло богатъ* и *вельми плутъ*. Изъ этихъ разсказовъ выходитъ, что гнѣвъ царя на Шидловскаго произошелъ не только изъ-за Меншикова и его самовольнаго завладѣнія

и Большой Бурлукъ. Это невѣрно. Пришибскому сотнику, родоначальнику Харьковскихъ Данилевскихъ, вѣроятно принадлежалъ Малый Бурлукъ, Зміевскаго уѣзда.

*) Не такова ли была ихъ Польская фамилія до выселенія въ Россію?

большимъ имѣніемъ на Украйнѣ съ помощью Шидловскаго; выходитъ, что это было *одною изъ причинъ*, если не предлогомъ, царскаго гнѣва. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что прежде чѣмъ составилось у царя нелестное мнѣніе о Шидловскомъ, онъ питалъ къ нему большое довѣріе: вся служба Шидловскаго о томъ свидѣтельствуетъ. Когда Мазепа затѣялъ пристать къ Карлу XII, онъ, наученный опытомъ Выговскаго и Брюховецкаго, а можетъ быть и собственными тайными попытками, не искалъ уже себѣ союзниковъ среди старшинъ слободскихъ полковъ. Но Шидловскій, говорятъ, зналъ о замыслахъ Мазепы и, не отваживаясь на разрывъ съ царемъ, а въ тоже время не желая упустить выгодъ, которыя могъ бы дать ему успѣхъ Мазепы, онъ такъ ловко лавировалъ между ними, что Петръ вручилъ ему большія деньги для покупки лошадей подъ царскую конницу; бережливый царь не далъ бы, конечно, этого порученія человѣку, возбуждавшему въ немъ малѣйшее сомнѣніе. Шидловскій деньги эти припряталъ, а лошадей не купилъ. Во время войны Петру некогда было разбираться въ подобныхъ мелочахъ; но вотъ грянулъ громъ Полтавской битвы, царь выигралъ большую ставку, и счастливый, гордый громкою побѣдой надъ сильнымъ врагомъ, радостно возвращался во-свояси. Тутъ Шидловскій поспѣшилъ забѣжать впередъ, упросилъ царя заѣхать по пути отдохнуть и попировать у него въ Мерчикѣ. Петръ заѣхалъ. Нужно полагать, что тутъ онъ свелъ счеты со своимъ амфитріономъ, при чемъ убѣдился, что Шидловскій и зѣло богатъ, и вельми плутъ: у каменнаго постоялаго двора, по большой дорогѣ отъ Харькова въ Валки, куда выѣхалъ провожать высокаго гостя старый Шидловскій, Петръ угостилъ его батогами и оповѣстилъ, что отбираетъ въ царскую казну свою всѣ его имѣнія, кромѣ отдѣленныхъ уже Шидловскимъ племяннику своему Лаврентію, который угодилъ царю своей службой*). Само собою разумѣется, что Шидловскій отрѣшенъ былъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Какъ богатъ онъ былъ, можно заключить изъ того, что и послѣ конфискаціи фамилія Шидловскихъ осталась одною изъ замѣтныхъ на Украйнѣ своимъ богатствомъ. На дочери этого Лаврентія Шидловскаго женился Михаилъ Михаиловичъ Донецъ-Захаржевскій.

Извѣстно, что съ легкой руки Толстого, зятя гетмана Скоропадскаго, въ Малороссійскихъ полкахъ появились Великорусскіе полковники. Уже въ 1723 году Московское правительство, подъ благовиднымъ предлогомъ, назначило Кокошкина полковникомъ Стародубскаго полка. И въ слободскіе полки сталъ мало-по-малу вторгаться Великорусскій

---

*) Лаврентій Шидловскій участвовалъ, между прочимъ, и въ Полтавской битвѣ.

элементъ, пока они не были окончательно переименованы въ армейскіе кавалерійскіе полки.

Анастасія Лаврентьевна была женщина гордая и высокомѣрная: не даромъ же она родилась *во дворцѣ*. Конечно, мило ей было огромное состояніе мужа, и ужъ какъ ей не хотѣлось, чтобъ оно расплывалось. А расплываться ему было необходимо: Богъ наградилъ дѣтьми послѣдняго Сумскаго полковника; у него выросло пять сыновей и двѣ дочери. Сыновья, конечно, подѣлятъ между собой имѣніе, но тутъ оно по крайней мѣрѣ не выйдетъ изъ рода; а выдѣлять части дочерямъ— это уже настоящая потеря для фамиліи. Чтобъ тутъ помочь сколько-нибудь дѣлу, мать съ сыновьями придумали уменьшить до послѣдней возможности приданыя части дочерей. Первый опытъ удался блистательно: къ старшей дочери Аннѣ присватался офицеръ Изюмскаго гусарскаго полка, изъ Великороссовъ, Никита Петровичъ Балавенскій, Псковскій помѣщикъ, съ хорошимъ состояніемъ на родинѣ. Безпечность ли его, любовь ли, или врожденное безкорыстіе (нужно полагать, что была тутъ малая толика того, другого и третьяго), но онъ взялъ невѣсту изъ богатѣйшаго украинскаго рода безъ приданаго. Этого мало: чтобъ не разлучать жену съ ея безсовѣстной родней и цвѣтущей родиной, онъ продалъ свое Псковское имѣніе и накупилъ земли въ Зміевскомъ уѣздѣ. Прожилъ онъ недолго; Анна Михайловна осталась вдовой съ двумя сыновьями. Братья удѣлили ей, наконецъ, 1000 десятинъ отъ одного изъ богатѣйшихъ имѣній своихъ, Бугаевки, Изюмскаго уѣзда *). Не смотря на знатное происхожденіе свое, Анна Михайловна была полуграмотна: подписать свое имя она умѣла, но читать могла только печатное; пользуясь этимъ, братья подсунули ей къ подписи документъ, удостовѣряющій, что она получила указанную ей закономъ часть и ничего больше требовать не будетъ. А имѣніе Захаржевскихъ состояло тогда изъ 140 тысячъ десятинъ, и законная часть дочерей, четырнадцатая, равнялась десяти тысячамъ десятинъ.

Не такъ благополучно кончилось дѣло у Захаржевскихъ при замужествѣ другой сестры, Прасковьи. Ее сговорили за Штерича, впослѣдствіи генерала; но этотъ женихъ былъ не чета Никитѣ Петровичу. «Меня не проведутъ, какъ Балавенскаго: я свое возьму», говорилъ онъ передъ свадьбой. И въ самомъ дѣлѣ, онъ вытребовалъ у Захаржевскихъ все, что ему слѣдовало, съ нѣкоторымъ даже, кажется, скандаломъ.

---

*) Эта деревня называлась *Чернобаевкой*, а по уличному *Карповкой*, и до 1880 г. состояла во владѣніи Балавенскихъ. Потомъ ее купилъ князь Шаховской, который еще прежде пріобрѣлъ съ аукціона и Бугаевку. Тотчасъ по открытіи Крестьянскаго банка, онъ очень выгодно продалъ крестьянамъ Чернобаевку и распродалъ по частямъ имъ же Бугаевку.

Нечестная продѣлка Захаржевскихъ съ сестрой Анной не испортила однако ихъ родственныхъ отношеній. Старшій сынъ ея Василій воспитывался даже въ домѣ дяди Андрея съ его сыновьями, между тѣмъ какъ дочь Андрея Михайловича жила у тетки Штеричъ въ ея Сумскомъ имѣніи Басахъ. Потомъ Василій поступилъ на службу въ Изюмскій гусарскій полкъ. Достигнувъ совершеннолѣтія и ознакомившись со своимъ имущественнымъ положеніемъ, онъ пришелъ въ негодованіе отъ мошеннической продѣлки дядей съ его матерью и сталъ уговаривать ее начать съ ними процессъ. «Обожди, другъ мой!» отвѣчала она ему: «я съ братьями никогда не ссорилась и тягаться съ ними не желаю. Умру, ваша воля!» Василій Никитичъ не настаивалъ. Но Богъ далъ вѣку Аннѣ Михайловнѣ, минула десятилѣтняя давность, и начинать дѣло съ Захаржевскими по смерти матери Балавенскимъ уже нельзя было.

Въ концѣ прошлаго вѣка Василій Никитичъ стоялъ съ полкомъ въ Польшѣ и тамъ женился на Гонсѣвской, Полькѣ по отцу (мать ея была Шведка, Гроссъ по фамиліи). Какая мѣшанина въ восходящемъ родствѣ моемъ: и Русскіе тутъ, и Малороссы, и Поляки, и Шведы!...

Но въ началѣ XIX вѣка Василій Никитичъ былъ уже въ отставкѣ и мирно поживалъ съ семьей въ своей Гинеевкѣ, Зміевскаго уѣзда. Онъ былъ что́ называется душа-человѣкъ: веселый, добрый, хотя и вспыльчивый, и нѣсколько безпечный человѣкъ; а бабушка была хлопотунья, рьяная хозяйка и, кажется, подерживала муженька въ рукахъ, хотя жили они согласно. Выходя замужъ, она приняла православіе. Дѣтками ихъ Богъ благословилъ: у нихъ выросло три сына и четыре дочери. Моя мать была средней.

Петръ Никитичъ тоже служилъ въ Изюмскомъ полку, но очень недолго. Подъ Харьковомъ, на Основѣ, жила богатая семья Квитокъ, онъ часто бывалъ тамъ; влюбился въ дочь ихъ Прасковью Ѳедоровну и ей понравился. Но Квитки были гордые бары, а онъ отпрыскъ захудалаго дворянскаго рода, и отдать дочь за Балавенскаго Квитки и слышать не хотѣли. Долго добивались бѣдные влюбленные родительскаго согласія; кончилось тѣмъ, что Петръ Никитичъ увезъ Прасковью Ѳедоровну. Обвѣнчавшись, они поселились въ его имѣніи Петропольѣ (тоже Зміевскаго уѣзда, верстахъ въ 30—40 отъ Гинеевки), гдѣ у него было около 3.000 десятинъ земли и слишкомъ 200 душъ: состояніе, конечно, незначительное въ сравненіи даже съ состояніемъ Квитокъ, не говоря о Захаржевскихъ.

Семья Василья Никитича жила въ той простотѣ и довольствѣ, въ какихъ жили вообще на Украйнѣ дворянскія семьи средняго достатка. Въ домѣ Петра Никитича тонъ былъ нѣсколько повыше. «У нихъ тамъ

пармезаны за завтракомъ подавались, и желе съ бланманже по праздникамъ, повара были ученые, а у насъ—нѣтъ», пояснялъ мнѣ потомъ дядя Александръ. Тутъ отчасти сказывались привычки, вынесенныя Прасковьей Ѳедоровной изъ богатаго отчаго дома, отчасти же вліяло и то, что у Петра Никитича, въ противуположность большой семьѣ брата, былъ одинъ только сынъ. Родные Прасковьи Ѳедоровны впослѣдствіи примирились съ ней, принимали ее съ мужемъ у себя и у нихъ бывали, но дать ей ничего не дали, а Петръ Никитичъ ничего у нихъ не просилъ, да можетъ быть ничего даже и не желалъ: отъ отца своего онъ унаслѣдовалъ безкорыстіе и безпечность, еще сильнѣе чѣмъ братъ Василій. Супружеская жизнь Петра Никитича была образцовая: никогда никто не слышалъ между нимъ и женою неласковаго слова, никто не видалъ косого взгляда. Весь вѣкъ они прожили такъ любовно и согласно, какъ въ первый годъ совмѣстной своей жизни. Иногда ихъ супружеская нѣжность казалась просто смѣшною для сторонняго равнодушнаго взгляда. Сидитъ, напримѣръ, Прасковья Ѳедоровна въ гостиной за бостономъ, Петръ Никитичъ играетъ въ залѣ, а у двери стоитъ какой-нибудь Васька или Прошка. «Человѣкъ!» зоветъ Прасковья Ѳедоровна. Прошка подходитъ. «Ступай къ Петру Никитичу и скажи, что Прасковья Ѳедоровна велѣла кланяться и спросить о здоровьѣ», приказываетъ она. Прошка шагаетъ за дверь и передаетъ полученное порученіе. «Петръ Никитичъ приказали кланяться, благодарить и сказать, что они, слава Богу, здоровы, а у васъ также велѣли спросить о здоровьѣ», рапортуетъ онъ чрезъ минуту, появляясь снова у стола Прасковьи Ѳедоровны, и такимъ образомъ нѣсколько разъ пропутешествуетъ съ порученіями изъ гостиной въ залу и обратно. Въ сынѣ своемъ Ѳеодорѣ нѣжная чета души не слышала. Отъ избытка родительской любви, желая имѣть сына при себѣ безотлучно, родители не отдали его никуда учиться, и онъ остался при томъ, чему выучился дома. Впрочемъ Ѳедоръ Петровичъ былъ человѣкъ неглупый и любознательный, охотно заглядывалъ въ книжку и, сравнивая его съ людьми, получившими образованіе въ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, нельзя сказать, чтобъ они были его образованнѣе. Потомъ изъ тѣхъ же побужденій родители не пустили его на службу, что въ то время считалось для дворянина нѣсколько даже зазорнымъ. Онъ только числился на службѣ для перваго чина въ какой-то канцеляріи, куда никогда и не заглядывалъ.

У Прасковіи Ѳедоровны было два брата. Одинъ Андрей Квитка гордый богатый баринъ, губернскій предводитель дворянства, умеръ сенаторомъ въ Москвѣ. У сестры онъ бывалъ рѣдко и къ семьѣ ея относился хотя и ласково, но нѣсколько свысока. Другой ея братъ

Григорій былъ добрякъ и чудакъ; онъ поступилъ было въ монахи, но скоро вышелъ изъ монастыря и началъ хлопотать объ устройствѣ въ Харьковѣ театра, при чемъ поговаривали, что онъ и самъ собирается въ актеры. Потомъ онъ принималъ участіе въ основаніи Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ, жертвовалъ для этой цѣли, вслѣдствіе чего и былъ впослѣдствіи членомъ совѣта въ учрежденномъ заведеніи и, наконецъ, женился на одной изъ его класныхъ дамъ. При дележѣ съ братомъ Андрей Ѳедоровичъ умудрился обдѣлать дѣла какъ-то такъ, что ему досталась львиная часть отцовскаго наслѣдія, и Григорій Ѳедоровичъ до самой смерти жилъ со своей женой какъ бы изъ милости въ низенькомъ неказистомъ домикѣ на Основѣ противъ пышнаго предводительскаго дома въ великолѣпномъ саду съ теплицами, оранжереями и прочими затѣями. Передъ братомъ онъ казался человѣкомъ маленькимъ, незамѣтнымъ, а прошло 50 лѣтъ, Андрея Ѳедоровича всѣ забыли, но долго будутъ помнить и чтить на Украйнѣ Грицька Основьяненка *).

Въ родствѣ Прасковьи Ѳедоровны считается еще одна замѣчательная личность: это Іоасафъ Горленко, праведный и грозный епископъ Бѣлгородскій, святой, по выраженію Кохановской, *не признанный Святѣйшимъ Синодомъ, но почитаемый православнымъ народомъ.* Не знаю, какъ относились къ этому родству старики и Ѳедоръ Петровичъ; жена его впослѣдствіи частенько ѣздила на богомолье въ Бѣлгородъ, гдѣ въ подземельи собора, въ мужскомъ монастырѣ, въ дорогой ракѣ, почиваютъ непризнанныя, но прославленныя народнымъ гласомъ мощи святителя. Молодое поколѣніе, внуки Прасковьи Ѳедоровны, къ этому родству относились равнодушно.

Въ семьѣ В. Н. Балавенскаго какъ будто болѣе заботились о воспитаніи дѣтей: старшій сынъ его Валеріанъ могъ даже поступить въ артиллерію, для чего и тогда требовались кое-какія познанія. Мать моя ребенкомъ была очень дружна съ братомъ Александромъ, красивымъ, шустрымъ мальчикомъ, гораздо моложе старшихъ брата и сестры, и на два года старше моей матери, красавицы-брюнетки, живой, бойкой и смѣлой, какъ мальчикъ; вмѣстѣ они играли и шалили, попадались и претерпѣвали шлепанцы отъ матери. Отецъ до нихъ не касался. «Разъ только мнѣ отъ него досталось», разсказывалъ мнѣ дядя Александръ: «онъ легъ спать послѣ обѣда въ кабинетѣ и запретилъ шумѣть; а мнѣ вздумалось скакать галопомъ въ залѣ вокругъ обѣ-

*) Въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ упоминается мелькомъ объ Основьяненкѣ онъ будто бы уступилъ свою 1.000 душъ брату, который прожилъ эти тысячи, а Гр. Ѳ—чъ: затѣмъ *основалъ Харьковскій Институтъ.* На какія же средства, если онъ все отдалъ брату? И Андрей Ѳедоровичъ не прожился: сынъ его еще былъ богатъ.

деннаго стола. Онъ прикрикнулъ на меня разъ и два, а я все скачу. Онъ выбѣжалъ въ залу и отхлесталъ меня подтяжками». Розги во всемъ роду Балавенскихъ никогда не употреблялись.

Василію Никитичу не удалось дожить свою жизнь безмятежно: то бѣдствіе, которое тяготѣло надъ Россіею вообще, а надъ Харьковскою губерніей, въ числѣ немногихъ другихъ, въ особенности, бѣдствіе, называвшееся *Аракчеевщиной*, прихлопнуло и его. По распоряженію Аракчеева, родная, благоустроенная Гинеевка Василія Никитича отошла въ казну и вошла въ составъ 7-го округа Украинскаго военнаго поселенія, а взамѣнъ ея отрѣзали бывшему владѣльцу ея 2000 съ лишнимъ десятинъ казенной земли въ Купянскомъ уѣздѣ. Изъ просторнаго насиженнаго гнѣзда старикамъ пришлось переселяться въ другое имѣніе, еще даже безъ усадьбы, рядомъ съ Петропольемъ. Старики закручинились, стали похварывать. Но тоже поселеніе, давшее имъ это нежданное горе, доставило имъ нѣкоторое утѣшеніе: къ старшей дочери ихъ Любови присватался Чугуевскій волостной командиръ, майоръ фонъ-Клугенъ, слывшій отличнѣйшимъ человѣкомъ. Есть преданіе, что бабушка Ирина Михайловна немножко приневолила дочь къ замужеству съ немолодымъ, болѣзненнымъ Нѣмцемъ; но тетушка Любовь Васильевна всегда упорно это отрицала. Ихъ семейная жизнь шла потомъ очень счастливо, хотя, конечно, пожилой, бывалый Нѣмецъ на первыхъ же порахъ прибралъ къ рукамъ молодую жену, чѣмъ она впослѣдствіи очень даже гордилась. «Разъ проворовался у насъ денщикъ, а Павелъ Евстафьевичъ велѣлъ его передъ крыльцомъ высѣчь», разсказывала она мнѣ потомъ; «онъ началъ кричать подъ розгами... Я просила, просила перестать сѣчь, Пав. Евст—чъ не прощаетъ; я бросилась на полъ и начала сама кричать и биться, какъ въ припадкѣ, а Павелъ Ев—чъ приговариваетъ: Еще его! Крѣпче его! Я вскочила, убѣжала и больше ужъ въ истерику не падала. Вотъ онъ какой былъ, Павелъ Евстафьевичъ! Съ характеромъ былъ и жену умѣлъ держать!»

А старики Балавенскіе немногимъ пережили потерю Гинеевки и замужество дочери: скоро другъ за другомъ они отдали Богу душу.

Не смотря на милый способъ исправлять жену отъ истерики (совсѣмъ, впрочемъ, въ духѣ времени), Клугенъ въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ необыкновенной честности. Онъ командовалъ въ Чугуевѣ сперва волостью, въ такое время, когда тамъ все строилось и устраивалось, воздвигались огромныя зданія, возникали и селились цѣлыя предмѣстія (одно изъ нихъ, на полугорѣ надъ Донцомъ, выстроено и населено было Клугеномъ и названо въ честь его Клугеновкой); всѣ принимавшіе участіе въ этой стройкѣ могли наживаться, а окружные съ волостными въ особенности. Клугенъ, однако, ничего не нажилъ:

всѣ остатки отъ смѣтныхъ суммъ, всю т.-наз. *благоразумную экономію*, считавшуюся по праву достояніемъ распорядителей, онъ представлялъ начальству и, конечно, спасъ этимъ казнѣ большія суммы; хотя, разумѣется, *одинъ въ полѣ не воинъ*, и другіе все-таки *пользовались*, но о бокъ съ Клугеномъ и другимъ неловко было слишкомъ *экономничать*. Съ жениной родней онъ былъ въ отличныхъ отношеніяхъ: его не только почитали, но и любили.

Василій Никитичъ первый свалился; за нимъ сошла въ могилу и Ирина Михайловна. Усадебку близъ Петрополья достроилъ ужъ Валеріанъ Васильевичъ, который вышелъ въ отставку и принялъ въ свои руки имѣніе, разстроенное безпечностью отца и Аракчеевскими распорядками. Александръ, моя мать и слѣдующая за ней сестра Серафима были *въ ученіи*, онъ—гдѣ-то въ Харьковѣ, онѣ—въ пансіонѣ, содержимомъ иностранцами Легони на хуторѣ Водяномъ, Зміевскаго уѣзда. Крошечную Иларію взяла вмѣсто дочери Прасковья Ѳедоровна; у нея же жилъ на первыхъ порахъ и меньшой изъ братьевъ, Никита. Валеріанъ Васильевичъ жилъ пока одинъ, хозяйничалъ, хлопоталъ и мало-по-малу очищалъ отъ долговъ общее имѣніе.

По окончаніи курса ученія мать моя съ Серафимой поселились съ братомъ и зажили глухо, скупо и одиноко. Совсѣмъ плохо пришлось бы дѣвушкамъ въ сожительствѣ съ нелюдимымъ и расчетливымъ братомъ, не будь здѣсь близехонько радушнаго родственнаго дома съ такой рѣдкостной хозяйкой, какъ Прасковья Ѳедоровна. Туда онѣ ходили отводить душу отъ домашней тоски; тамъ было людно, привольно и весело. Правда, семья тамъ была невелика; но старики были въ любви и почетѣ у родныхъ и знакомыхъ, всѣ часто и охотно пользовались ихъ гостепріимствомъ. Какъ во всякомъ помѣщичьемъ домѣ тогда, у Балавенскихъ жили разные приживальщики: жила, напримѣръ бѣдная дворянка Дерюгина, пресердобольное, должно быть, существо, что̀ проявлялось иногда очень своеобразно. Въ особенно жаркіе дни она часто гуляла долго-долго по аллеямъ, лишеннымъ тѣни. «Да что̀ вы себѣ такъ мучите! говорили ей. Вы бы, Александра Васильевна, вечеркомъ погуляли».—«Ахъ, друзья мои!» вздыхала она: «теперь рабочая пора, народъ-то какъ трудится подъ горячимъ солнцемъ въ полѣ, а мы тутъ сидимъ въ прохладѣ и покоѣ... Пусть и я пропотѣю немножко: все не такъ совѣстно передъ людьми». Сестра ея жила у сосѣдней помѣщицы, верстахъ въ четырехъ; у обѣихъ сестеръ была одна - единственная крѣпостная дѣвушка, главной обязанностью которой было гонять почтою съ письмами отъ одной сестры къ другой. О чемъ переписывались такъ непрерывно сестрицы, осталось тайною между небомъ и ими; но не было дня, чтобъ этотъ Меркурій въ на-

бойчатой юбкѣ не слеталъ разъ и два изъ Петрополья въ Богодаровку. А право, интересно было бы найти и просмотрѣть эту переписку! Жилъ еще въ Петропольѣ сослуживецъ по полку Василія и Петра Никитичей, Полякъ Дешертъ. Не знаю, чѣмъ полюбился братьямъ бездомный бѣднякъ - товарищъ; но, выходя въ отставку, они пригласили его къ себѣ на житье, когда въ свою очередь и ему придется бросить службу. «Пріѣзжай, какъ въ родную семью: доживешь вѣкъ съ нами въ покоѣ». Дешертъ обѣщалъ и пріѣхалъ. Ни Василія, ни Петра Никитичей онъ не засталъ въ живыхъ; но Прасковья Ѳедоровна съ сыномъ приняли и пріютили стараго гусара, какъ пріютили бы его покойные товарищи. Дешертъ зажилъ себѣ во флигелькѣ тихо и привольно; хозяйка ласкала его, и эксъ-гусаръ полюбилъ какъ своихъ, и ее, и Ѳедора Петровича, и маленькую Ларочку, *и дѣтей на томъ дворѣ*, какъ называли въ Петропольѣ мою мать и Серафиму. «Сходи, другъ мой Августъ Ивановичъ, на тотъ дворъ», просила иногда Прасковья Ѳедоровна Дешерта: «посмотри, какъ тамъ дѣти поживаютъ и что́ по́дѣлываютъ». Дешертъ съ охотою шелъ *на тотъ дворъ*, забиралъ справки и возвращался къ хозяйкѣ съ докладомъ. «Ну, чтожъ дѣти дѣлаютъ?» «Една шіётъ, а друга—пацерки навлекаетъ». Присутствующіе разражаются хохотомъ отъ непонятныхъ словъ, а Прасковья Ѳедоровна степенно и серьезно дознаетъ, что *пацерки—бисеръ*, а *навлекать* ихъ значитъ *нанизывать*. Тотъ же Дешертъ отряжается *за дѣтьми*, когда въ Петропольѣ съѣзжаются гости, или когда сама хозяйка собирается куда-либо къ роднымъ или знакомымъ. Правда, въ послѣднемъ случаѣ *дѣтямъ* часто представлялось немалое затрудненіе, особенно если предстояла свадьба или иное пиршество: туалетъ у нихъ былъ бѣдненькій, а братецъ Валеріанъ Васильевичъ, усиливаясь вылѣзть изъ долговъ, былъ глухъ къ намекамъ сестеръ и родныхъ на то, что дѣвушкамъ нужно бы пріодѣться. Но за то тароватъ былъ братецъ Ѳедоръ Петровичъ, а по помѣщичьимъ усадьбамъ то и дѣло разъѣзжали тяжелыми возами т. н. разнощики (я никогда не могла понять, почему они назывались *разнощиками*, а не развощиками) съ бакалейнымъ и краснымъ товаромъ, и затрудненіе улаживалось къ вящей радости *и дѣтей*, и Прасковьи Ѳедоровны, которая до страсти любила, чтобъ окружающая ее молодежь была весела и счастлива по возможности *). Прелюбопытное явленіе, съ эмансипаціей совсѣмъ почти исчез-

*) Мнѣ всегда казалось, что покойная Кохановская, когда писала свою Анну Гавриловну (Изъ Провинціальной галлереи портретовъ), имѣла въ виду Прасковью Ѳедоровну, которую знала лично (отъ самой Кохановской я не слышала, что она ее имѣла въ виду) Впрочемъ сходство ограничивалось тѣмъ, что обѣ вышли замужъ *увозомъ* и что Пр. Ѳ-вна тоже требовала у сына, чтобъ въ день ея имянинъ *балъ былъ* изъ-за молодежи.

нувшее, были эти разнощики. Для помѣщиковъ они служили большимъ удобствомъ и развлеченіемъ, а иногда и большимъ раззореніемъ. Является, напримѣръ, предъ панскія очи какой-нибудь Васька или Сенька съ замусоленной тетрадкой въ рукахъ. «Осипъ Борисовъ пріѣхалъ», докладываетъ онъ и тычетъ въ руки барину тетрадку. Въ ней крупными каракулями значится: *Чай цвѣтошный, чай фамильный, сахаръ 1 сортъ* и т. д. не только до сардинокъ, шамаекъ и рыбцевъ, но даже до *адиколона*, шпилекъ, булавокъ и башмаковъ козловыхъ и *прунелевыхъ*. Господа оживляются. У крыльца уже стоятъ четыре-пять возовъ, крѣпко нагруженныхъ и запряженныхъ рослыми, сильными лошадьми; видные *молодцы* въ дубленыхъ полушубкахъ и цвѣтныхъ кушакахъ похаживаютъ, охарашиваясь и ожидая хозяйскаго приказа. Между тѣмъ у господъ идутъ совѣщанія, что̀ да что̀ нужно купить; оказывается — масса вещей крайне-нужны, и молодцы въ дубленкахъ хорошо пропотѣютъ, внося и вынося ящики и коробки. Рѣдко покупаютъ на деньги, больше въ кредитъ до продажи хлѣба или шерсти, и нужно сознаться, что нѣкоторые разнощики сильно поплатились за довѣріе къ господамъ-помѣщикамъ. За то другіе очень нажились этой профессіей; да и вообще барыши ихъ были очень серьезны, такъ что вѣроятно окупали эти убытки.

Въ числѣ приживальщиковъ у Балавенскихъ былъ какой-то Квиточка, можетъ быть изъ мелкаго родства большихъ Квитокъ, родичей Прасковьи Ѳедоровны. Это была поэтическая и музыкальная душа. Онъ сочинялъ пѣсенки, слова и музыку; одну изъ этихъ пѣсенокъ часто напѣвалъ впослѣдствіи дядя Александръ, и я ее помню; мотивъ заунывный, чисто-Малорусскій; слова—до крайности наивныя.

Ишовъ—ишовъ Квиточка по саду,
Ударили Квиточку по заду.
Иди, иди, Квиточка, не барысь,
На чужія рожоньки не дывысь *)...

На томъ дворѣ Валеріанъ Васильевичъ никого не принималъ; развѣ завернетъ въ кои-вѣки близкій родственникъ, напр. Клугенъ. Всякому барышни были рады, а ему въ особенности: поднималась суматоха, всячески старались угостить дорогого гостя, повару заказывались его любимыя блюда. Но поваръ *на томъ дворѣ* былъ тоже *набожныхъ правилъ*, и угостить дорогого родственника не всегда удавалось. Иной

*) Въ семьѣ Квитокъ я знала другое лицо съ признаками музыкальнаго таланта: я застала старикомъ нѣкоего помѣщика Николая Юрьевича Квитку, бывшаго сродни Квиткамъ съ Основы; онъ сочинилъ музыку къ извѣстной пѣсни *За Нѣманъ иду*, музыку, которая, по моему, лучше общеизвѣстной и вездѣ принятой.

разъ закажутъ ему, напримѣръ, для Павла Евстафьевича его любимый куриный супъ и молочную кашу съ рисомъ и изюмомъ, а поваръ, пока шипитъ супецъ на горячихъ кирпичахъ печи, въ кашу насыпетъ чернослива вмѣсто изюма, а супъ и вовсе вывернетъ, да еще и причитываетъ: «Вотъ вамъ и супецъ! Вотъ вамъ и Павелъ Евстафьичъ!» Пав. Ев—чъ, однако, не горевалъ о вывернутомъ супцѣ и изгаженной кашѣ, ѣлъ, чтó ему подавали, а въ скучной жизни дѣвушекъ даже эпизодъ съ супцомъ былъ развлеченіемъ. «Спасыби мини, що я наився», чистымъ хохлацкимъ языкомъ приговаривалъ Клугенъ послѣ обѣда, къ большому удовольствію хохловъ, родичей своихъ.

Лѣтъ черезъ шесть-семь послѣ смерти старшаго брата скончался и Петръ Никитичъ. Петрополе попріуныло. Какъ ни любила шумъ и радость вокругъ себя Прасковья Ѳ—на, сколько ни было живой бодрости въ ея натурѣ, но смерть мужа не могла не подѣйствовать на нее удручающимъ образомъ, не могла хоть временно не измѣнить всего строя Петропольской жизни. А братецъ Валеріанъ Васильевичъ все также стѣснялся и скупился, и барышнямъ *на томъ дворѣ* жизнь не въ жизнь стала. Братецъ имъ совсѣмъ опротивѣлъ. Мать моя была умнѣе и сдерживалась, но Серафима не могла вспомнить о немъ равнодушно. Вскорѣ онъ, справившись понемногу съ долгами, вздумалъ опять поступить на службу, но не въ строй, а въ корпусный штабъ бухгалтеромъ. Молодежи эта должность казалась чѣмъ-то даже унизительнымъ. «У меня одинъ братъ гусаръ, другой—уланъ», гордо заявляла Серафима; «а третій братъ—*бухгальтеръ*», тоненькимъ голоскомъ выговаривала она это слово; и не ей одной казалось званіе бухгалтера конфузнымъ потому, вѣроятно, что отъ него вѣяло чѣмъ-то *штатскимъ*, а *штатское, крючковское, чернильное*—все было тогда въ пренебреженіи.

Родные понимали, что для барышень *съ того двора* былъ рискъ остаться старыми дѣвами, если ихъ не заберутъ съ хутора, гдѣ даже и братца уже не было. Взялись помочь дѣлу. Серафима была дурна собой и недалека; ее взяла Прасковья Ѳедоровна въ свой опустѣвшій и притихшій домъ. Но бойкая красавица Анюта имѣла много шансовъ для успѣха въ обществѣ: ее пригласили къ себѣ Клугены, чтобъ вывозить въ Чугуевѣ. Въ провинціи трудно было найти тогда такое веселое мѣстечко, какъ Чугуевъ. Общество тамъ было большое и прекрасное: тамъ расположенъ былъ штабъ Украинскаго военнаго поселенія и резервнаго кавалерійскаго корпуса, не считая меньшихъ штабовъ; начальство состояло большею частью изъ людей со средствами или связями, молодежи было тьма-тьмущая. Въ то время военщина всасывала въ себя почти все, чтó было лучшаго въ Русскомъ юношествѣ. Въ поселеніи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, было богатой и образо-

янной молодежи; но все же она была, не перевелась еще. Въ Чугуевѣ жилось шумно и весело, вечера *въ собраніи* были оживленнѣе и люднѣе, чѣмъ въ Харьковѣ. Правда, среди людей хорошаго общества попадались тамъ удивительные антики. Я помню разсказъ дяди Павла Григорьевича, какъ полковой лѣкарь съ лѣкаршей побывали въ собраніи. Они, вишь, въ тотъ день за обѣдомъ подвыпили, потомъ уснули, проснувшись опохмѣлились, затѣмъ принарядились, сѣли въ запряженную кибиточку и поѣхали въ собраніе. Но въ кибиточкѣ опять уснули, а денщикъ подъѣхалъ къ бальному подъѣзду, постоялъ тамъ столько времени, сколько, по его соображенію, было нужно, чтобъ дать возможность ихъ благородіямъ вылѣзть изъ экипажа, а затѣмъ и отъѣхалъ къ сторонкѣ. Когда стали разъѣзжаться послѣ бала, онъ былъ очень озадаченъ, что не появляются его хозяева. Не знаю ужъ, надоумилъ кто его, или самъ онъ догадался заглянуть въ кибиточку: къ великому изумленію его, тамъ почивала сномъ праведниковъ счастливая чета, и денщикъ тѣмъ же порядкомъ отвезъ ихъ благородія домой, гдѣ ихъ вынули изъ кибиточки и уложили въ постель.

Само-собой, такіе антики были въ рѣдкость.

Собранія бывали въ большомъ залѣ огромнаго зданія, гдѣ помѣщались всевозможные штабы; въ просторѣчіи оно называлось корпусомъ и украшало соборную площадь, гдѣ расположены были квартиры почти всего главнаго начальства и гдѣ строился для пріѣздовъ Государя т.-н. *дворецъ*, хорошенькій домикъ, заднею стороной выходившій въ большой садъ, который пышно и красиво спускался къ Донцу. Клугенъ былъ тогда уже окружнымъ командиромъ и жилъ тутъ же, между *дворцомъ* и *корпусомъ*. Семья Клугенъ пользовалась въ Чугуевѣ большимъ уваженіемъ. Любовь Васильевна играла почетную роль не только какъ жена многоуважаемаго Павла Евстафьевича, но и сама по себѣ, благодаря своему такту и личнымъ достоинствамъ. Титулованныя и нетитулованныя генеральши дружились съ нею, повѣряли ей свои взаимныя неудовольствія и обиды. «Представьте себѣ, милая Любовь Васильевна!» жалуется, напримѣръ, ей жена дивизіоннаго, баронесса Розенъ, на *корпусную командиршу* Коровину: «Пріѣзжаю я навѣстить ее послѣ родовъ, спрашиваю, сама ли она кормитъ ребенка? А она мнѣ такимъ обиженнымъ тономъ: развѣ, говоритъ, у меня крѣпостныхъ нѣтъ, чтобъ я сама дѣтей кормила! Неужели же она забыла, что я-то всегда дѣтей сама кормлю?» «Розенъ была Полька, добавляетъ къ своему разсказу Любовь Васильевна: Польки всегда сами кормятъ». Съ своей стороны, и Коровина жалуется на Розенъ: какъ она молодится и рядится, и какъ старается оставлять въ тѣни ее, корпусную командиршу. Любовь Вас—на только головой покачиваетъ, не выска-

зывая, кто правъ, по ея мнѣнію, и кто виноватъ, и въ глубинѣ души подозрѣвая, что виноваты обѣ [1]).

Хорошенькая своячиница Клугена произвела фуроръ въ Чугуевскомъ обществѣ; лучшая молодежь нахлынула къ Клугенамъ. Само собой, что Любовь Васильевна представила сестру почетнымъ дамамъ. Разъ пріѣхали онѣ съ визитомъ къ одной надменной генеральшѣ, у которой сидѣлъ очень бонтонный адъютантъ. «Вы выбрали себѣ дурное мѣсто: сѣли на солнцѣ», съ высокомѣрной любезностію сказала она Аннѣ Васильевнѣ. «Ничего: я люблю солнце», возразила дѣвушка. «C'est comme les chiens qui aiment le soleil aussi», вполголоса замѣтила генеральша адъютанту. Но Анна Вас—на не даромъ обучалась у полу-Французовъ Легони на Водяномъ. «Je ne suis pas un chien, mais j'aime le soleil tout de même», проговорила она самымъ вызывающимъ тономъ, такъ что спѣсивая генеральша, не смотря на свой апломбъ, переконфузилась и извинилась. «Такъ и выпалила, я даже испугалась!» передавала мнѣ много лѣтъ спустя эту сцену робкая Любовь Васильевна.

Любимый братъ матери, Александръ служилъ тогда въ гусарахъ, и ново-испеченнымъ корнетомъ дрался на дуэли съ Чугуевскимъ львомъ Мольво, который какъ-то въ холостой компаніи выразился объ Аннѣ Васильевнѣ немного свободно. Впослѣдствіи дядя показывалъ мнѣ на рукѣ шрамъ отъ сабельнаго удара, полученнаго на этой дуэли.

А въ Петропольѣ между тѣмъ произошло важное событіе: Ѳедоръ Петровичъ женился на Александрѣ Африкановнѣ Павловой.

Родоначальникъ Павловыхъ, обозный Павелъ Гавриловъ, съ женою своею попалъ въ полонъ Татарамъ, на Харьковскихъ курганахъ, близъ Богодухова, защищая его отъ набѣга Татарвы. Не знаю, что сдѣлалось съ его женою, и почему самъ онъ не былъ выкупленъ; но онъ попытался бѣжать изъ Бахчисарая, гдѣ былъ водворенъ, потерпѣлъ неудачу и за свою попытку былъ зарытъ живой въ землю [2]). Сынъ Гаврилова, въ память горячо любимаго отца-мученика, исхлопоталъ всему роду своему право прозываться впредь *Павловыми*. Эти Павловы имѣли хорошее родство въ краю и хорошее состояніе. Одинъ изъ нихъ, Африканъ Максимовичъ, женатъ былъ на богатой дѣвушкѣ изъ рода Булацелей, долго служилъ Зміевскимъ предводителемъ дво-

---

[1]) Чугуевская жизнь этой Розенъ закончилась очень трагически: ея мужа застрѣлилъ офицеръ, его подчиненный, Таранухинъ. Семья Розенъ обѣдала; онъ вбѣжалъ, выстрѣлилъ и убилъ наповалъ. Говорили, что мотивомъ была страстная любовь къ кокеткѣ-генеральшѣ, а не служебные счеты.

[2]) Въ Бахчисараѣ, говорятъ, есть, или былъ недавно, *Павловскій фонтанъ*, относящійся къ этому событію.

рянства, славился своимъ умѣніемъ хорошо пожить, гостепріимствомъ своимъ и такимъ феноменальнымъ добродушіемъ, что оно было въ рѣдкость даже и въ тѣ патріархальныя времена, когда добродушными помѣщиками хоть прудъ пруди. Старшая дочь его Александра, милая и умная дѣвушка-щеголиха, играла большую роль въ Харьковскомъ высшемъ обществѣ. Ея выѣзды и наряды, вмѣстѣ съ широкой жизнью ея родителей, крѣпко пошатнули ихъ состояніе. Александрѣ Африкановнѣ было уже за двадцать лѣтъ, поклонниковъ у нея была тьма-тьмущая, а жениховъ что-то мало. Сталъ учащать къ Павловымъ и Ѳедоръ Петровичъ; онъ былъ юноша некрасивый и неловкій, дѣвушкѣ онъ не нравился, но какъ сынъ почтенныхъ родителей, какъ *свой дворянинъ*, почти сосѣдъ, и при томъ скромный и хорошій молодой человѣкъ, онъ очень нравился ея матери. «Вы желали бы, маменька, чтобъ я за него вышла?» спросила у нея дочь. Та призналась, что очень бы желала. «Ну, я за него и выйду». И вышла.

За мужемъ она круто измѣнилась: выѣздовъ, нарядовъ, Варшавскихъ ботинокъ, безъ которыхъ она не могла обходиться, какъ не бывало. Она сдѣлалась домосѣдкой, примѣрной женой, матерью и невѣсткой, всю себя посвятила семьѣ. «Я думала, что я никого не могу любить такъ, какъ Ѳедю, признавалась потомъ ея свекровь; но Сашеньку я люблю больше, чѣмъ его». Одно не давалось Александрѣ Африкановнѣ: это хозяйство. Ея домоводство всегда отличалось крайнею неразсчетливостью, что́ и было одной изъ причинъ будущаго раззоренія семьи.

За красавицей Анной Васильевной многіе ухаживали въ Чугуевѣ, и офицеры, и окрестные помѣщики; она всѣмъ предпочла Михаила Владимировича Юзефовича (впослѣдствіи товарища попечителя Кіевскаго учебнаго округа); онъ не слылъ блестящимъ салоннымъ кавалеромъ, но считался первымъ умницей и самымъ образованнымъ человѣкомъ среди офицерства. Не знаю, почему они не женились: испугалъ ли его недостатокъ состоянія невѣсты, или же онъ не успѣлъ присвататься, но когда открылась Польская кампанія въ началѣ тридцатыхъ годовъ и вся военщина ушла изъ Чугуева въ Польшу, мать моя осталась непросватанною. Ей было за двадцать лѣтъ; тогда эти годы не считались уже первою молодостью. Чугуевъ былъ пустъ и скученъ, а мысль остаться старой дѣвой тогдашней дѣвушкѣ казалась ужасной. И подъ вліяніемъ этой страшной мысли мать вдругъ рѣшилась дать слово давнему претенденту, надъ которымъ прежде сама смѣялась; то былъ небогатый дворянинъ, единственный братъ цѣлой кучи незамужнихъ сестрицъ, которыя тоже постоянно служили потѣхою всему обществу. Но она слишкомъ понадѣялась на себя: когда явились будущія

золовушки къ будущей невѣстушкѣ, когда обступили ее съ шумными привѣтствіями и приторными нѣжностями, а влюбленный женихъ съ умильной улыбкой началъ цѣловать ея ручки, она не выдержала... «Пошли вонъ!» закричала она, какъ Гоголевская, невѣста, и также убѣжала изъ комнаты, а потомъ, не пугаясь пущаго скандала, на другой же день отказала своему внезапному жениху. Само-собой, что дѣвственницы-сестрицы чуть не разорвали ее за такой афронтъ ихъ братцу.

Не могу въ точности объяснить, какъ состоялось сватовство отца моего и матери. По долгу службы, какъ волостной у окружнаго, отецъ часто бывалъ у Клугена, и не мудрено, что влюбился въ его хорошенькую своячницу; но онъ былъ застѣнчивъ, до дикости. Какъ рѣшился онъ присвататься къ такой бойкой и *окруженной* особѣ? И какъ рѣшилась мать дать слово угрюмому и непривлекательному своему претенденту? Сначала она посмѣивалась надъ старообразнымъ своимъ поклонникомъ; въ памяти близкихъ ея осталось двустишіе передѣланное ею на счетъ его: «Не Дмитрій ты Донской, не Дмитрій ты Ростовскій; а Дмитрій ты простой, и Дмитрій Сороковскій»..Тутъ конечно припахивало немножко высокомѣріемъ *настоящей* дворянки къ новому мелкому дворянину. Но потомъ, быть можетъ, она открыла въ немъ какія-нибудь хорошія свойства подъ некрасивою внѣшностью, или же ее тронула угаданная ею сильная его любовь? Все это однако, по моему, не было ея главнымъ побужденіемъ: болѣе всего здѣсь дѣйствовала боязнь остаться старой дѣвой, это столь распространенное тогда чувство, причина многихъ нелѣпыхъ браковъ и несчастныхъ супружествъ. Родные уговаривали ее отказать жениху, но она никого не послушала и вышла замужъ.

Дядя Павелъ Григорьевичъ тогда давно уже былъ женатъ, и выборъ его старшему брату очень не нравился.

Въ Валковскомъ уѣздѣ жила богатая помѣщичья семья Норовыхъ, братъ и сестра, Марья Дмитріевна, по мужу Дунина. Должно быть, давно умеръ этотъ Дунинъ, а можетъ быть былъ еще и безцвѣтнымъ, хотя и сановнымъ лицомъ: о немъ никто никогда при мнѣ не упоминалъ, и Марья Дмитріевна словно весь вѣкъ свой была важной вдовой съ большой семьей. Единственный сынъ ея былъ убитъ подъ Бородинымъ, но у нея выросло шесть дочерей. Сама Марья Дмитріевна воспитывалась когда-то въ Смольномъ, именно въ первые годы его основанія; изъ Петербурга она привезла съ собой чуть ли не соученицу свою, нѣкую Марью Алексѣевну (никто никогда не называлъ ея фамиліи), бѣдную дѣвушку, въ качествѣ не то компаньонки, не то домашняго друга. Онѣ и въ самомъ дѣлѣ очень сдружились. Въ эту-то

Марью Алексѣевну влюбился богатый баринъ Телепневъ и увезъ ее. Близкіе ея утверждали впослѣдствіи, будто Телепневъ тайно (?) обвѣнчался съ нею, но потомъ похищены будто бы были документы, удостовѣряющіе этотъ бракъ; другіе же были вообще увѣрены, что Телепневъ соблазнилъ ее и бросилъ. Какъ бы то ни было, у Марьи Алексѣевны родилась дочь, а Телепневъ скоро умеръ; Марья Алексѣевна осталась съ ребенкомъ на рукахъ и безъ всякихъ средствъ къ жизни. Марья Дмитріевна не покинула своего друга послѣ этого печальнаго событія и приняла ее снова на свое иждивеніе, хотя не у себя въ домѣ, полномъ дочерей-подростковъ, а въ другомъ имѣніи своемъ, тутъ же вблизи. Ближайшій сосѣдъ Марьи Алексѣевны, братъ Дуниной, Александръ Дмитріевичъ Норовъ, отчаянный повѣса и кутила, тоже принялъ участіе въ бѣдной покинутой женщинѣ, навѣщалъ ее, утѣшалъ, и въ результатѣ у несчастной жертвы барскаго распутства родился еще и сынъ. Другъ Норова и дядя Александры Африкановны, Ѳедоръ Максимовичъ Павловъ, далъ имя и сыну, и дочери Марьи Алексѣевны; тогда это какъ-то дѣлалось *). Этотъ сынъ поступилъ потомъ въ кирасиры и очень конфузилъ семью тѣмъ, что не хотѣлъ ни за что́ называться *Дмитріевичемъ* (между тѣмъ какъ сестра его почему-то звалась Еленой *Дмитріевной*), а упорно назывался *Александровичемъ*. На этой-то Еленѣ Дмитріевнѣ и женился мой дядя П. Г. Башкирцевъ. Отецъ мой, изъ стариннаго предразсудка, находилъ для брата унизительнымъ бракъ съ незаконною дочерью, и кажется Елена Дмитріевна догадывалась объ этомъ. Когда мой отецъ женился, у дяди было ужъ трое дѣтей; невѣстки не сошлись между собою и никогда другъ друга не любили. У моей матери черезъ годъ послѣ вѣнчанія родилась мертвая дочь, еще черезъ годъ—другая; я была третьей.

*

Но прежде, чѣмъ говорить о себѣ, я доскажу, что́ знаю о семьѣ Донецъ-Захаржевскихъ; а знаю я не Богъ вѣсть какъ много, такъ какъ еще въ концѣ прошлаго вѣка у Балавенскихъ прекратились съ ними родственныя сношенія. У Михаила Михайловича, послѣдняго Сумскаго полковника и его супруги Анастасіи Лаврентьевны, было пять сыновей: Андрей, Яковъ, Константинъ, Петръ и Василій. Мужское потомство осталось только у двухъ первыхъ.

Андрей Михайловичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Норовой, старшей сестрѣ М. Д. Дуниной; у нихъ осталось два сына и

---

*) Въ Journal de Marie Bachkirtzeff, внучки Павла Григорьевича, говорится, что ея бабка, жена Павла Григорьевича, была *fille adoptive d'un très grand seigneur*. Это несправедливо, какъ и многое въ этой книгѣ: Ѳед. Макс. Павловъ вовсе не былъ grand-seigneur'омъ, а былъ образованный и со средствами средній помѣщикъ.

двѣ дочери. Нужно думать, что нравственная распущенность, царившая тогда въ столичномъ высшемъ обществѣ, отразилась и на провинціальномъ большомъ свѣтѣ; такъ, по преданію, Андрей Михайловичъ имѣлъ любовную связь съ младшей сестрой своей жены Елисаветой, и плодомъ этой связи былъ сынъ, получившій почему-то фамилію *Яворскаго*, дворянское званіе и изрядное состояніе. Этотъ любовный инцидентъ не помѣшалъ впослѣдствіи Елисаветѣ Дмитріевнѣ *сдѣлать партію*.

У Якова Михайловича былъ сынъ Андрей, извѣстный въ своемъ краю благочестивой жизнью и щедрой благотворительностью. Это, кажется, единственный изъ Донецъ-Захаржевскихъ позднѣйшихъ поколѣній, оставившій по себѣ не только хорошую, но даже рѣдкостную память. У него же осталась дочь Елисавета, рыжая и чрезвычайно некрасивая дѣвушка. Не смотря на огромное свое состояніе, она долго не могла найдти себѣ подходящаго жениха. Но въ концѣ концовъ женихъ нашелся; то былъ молодой еще, щеголеватый вдовецъ - генералъ, изъ гвардіи, Воинъ Дмитричъ Задонскій, начальникъ штаба 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и Украинскаго военнаго поселенія. Бракъ вышелъ очень удачный: Елисавета Андреевна была женщиной умной и достойной, прекрасной матерью своей единственной падчерицы, хотя у нея самой было много дѣтей. Чугуевская публика удивлялась только, что она не позволяла танцовать вальсъ своей падчерицѣ. «Ну, что это!» возмущалась она: «обнимутъ ее, юбки разлетаются, ноги видно; тьфу, совсѣмъ непристойно». Эта падчерица тутъ же, въ Чугуевѣ, вышла за генерала Борщова; сама же Елисавета Андреевна, выростивши дѣтей и оставшись вдовою, послѣ эмансипаціи совсѣмъ переселилась за границу съ тѣми дочерьми, которыя не вышли замужъ. Слышно было, что она тамъ увлеклась спиритизмомъ.

У Константина Михайловича была дочь, которая осталась дѣвушкой и долго-долго жила въ Петербургѣ или подъ Петербургомъ, никогда не навѣдываясь въ свою *Шиповатую*, на границѣ Купянскаго и Волчанскаго уѣздовъ, такъ что для тѣхъ, кто слышалъ объ ея существованіи, она представлялась какимъ-то миѳомъ.

Василій и Петръ Михаиловичи умерли холостыми. Они жили вмѣстѣ въ своей богатой Бугаевкѣ, съ роскошнымъ домомъ, съ пышнымъ паркомъ, извѣстнымъ не только на всю губернію, а, можно сказать, на весь край, жили праздною, распутною жизнью, которая составляла изнанку стараго барства. Имъ почему-то вмѣстѣ съ ихъ матерью людская молва приписывала иниціативу въ дѣлѣ обобранія сестры Анны Михайловны. Я не знаю, кто изъ братьевъ умеръ первый, но предъ смертью онъ вспомнилъ Бога, захотѣлъ примириться

съ Нимъ: исповѣдаться и причаститься. «Вы забыли еще одинъ свой грѣхъ», напомнилъ ему на исповѣди священникъ: «вы обдѣлили когда-то сестру вашу Анну Михайловну, слѣдовало бы вознаградить ея внучатъ». Умирающій призналъ грѣхъ и поручилъ брату вознаградить внуковъ покойной сестры. Единственному сыну Петра Никитича досталось изрядное состояніе, но дѣти Василія Никитича получили очень понемногу: имъ-то умирающій grand'oncle назначилъ... *по двѣ тысячи ассигнаціями*. Тогда, въ двадцатыхъ годахъ, это не было, конечно, такою комически-малою суммою, какъ теперь; но по сравненію съ 9000 десятинъ, недоданныхъ когда-то Аннѣ Михайловнѣ, этого и тогда было страшно мало. И даже такой убогой суммы пережившій другого братъ не отдалъ своимъ родственникамъ. Когда пришлось и ему сводить итоги своей грѣшной жизни, тотъ же священникъ и ему напомнилъ о невыполненномъ завѣщаніи брата; только тогда семеро дѣтей Василія Никитича получили эти жалкія 14 тысячъ. Свои 2000 рублей мать отдала взаймы брату Александру, который тогда отправлялся въ образцовый полкъ; эти деньги помогли ему покутить въ Петербургѣ такъ, чтобъ навсегда разстроить свое здоровье. Одна изъ дочерей Андрея Михайловича Надежда жила у тетки своей Прасковьи Михайловны Штеричъ и вышла замужъ за богатаго Сумскаго помѣщика Похвиснева, а другая Елисавета за Павла Гавриловича Бибикова *), вторымъ же бракомъ за Александра Христофоровича Бенкендорфа, извѣстнаго любимца Николая I. Изъ сыновей его, Григорій служилъ въ гвардіи, былъ флигель-адъютантомъ; раненый въ животъ на вылетъ въ 1814 году за границей, онъ послѣ этой раны началъ непомѣрно жирѣть. Потомъ онъ былъ Петербургскимъ комендантомъ; въ концѣ Іюля 1829 года онъ встрѣчалъ въ Царскомъ Селѣ Хозрева-Мурзу, любимаго внука шаха, присланнаго дѣдомъ къ царю съ извиненіями за избіеніе Русской миссіи въ Тегеранѣ (А. С. Грибоѣдовъ). Въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ Григорій Андреевичъ славился особеннымъ тактомъ и умѣніемъ держать себя; не могу сказать, въ чемъ они проявлялись.

---

*) Въ воспоминаніяхъ Е. И. Раевской, близкой родственницы Бибиковыхъ (Ист. Вѣстникъ—1898 г. 12) говорится, что Пав. Гавр. Бибиковъ гдѣ-то на Югѣ влюбился въ *очень красивую дѣвушку дворянскаго* Польскаго происхожденія. „Иностранка! Не Русская!" гордая мать ни за что не хотѣла дать своего согласія. Здѣсь напутано. Даже отдаленные предки Захаржевскихъ не были никогда Поляками, хотя и были, со всей Малороссіей, въ Польскомъ подданствѣ. Но когда Бибиковъ влюбился въ Захаржевскую, объ этой старинной связи съ Польшею и помина ужъ не было. Что же касается знатности рода и богатства Захаржевскихъ, *гордая мать* не имѣла ни права, ни основанія протестовать: богатствомъ и знатностью Захаржевскіе врядъ ли Бибиковымъ уступали. И выходитъ тутъ не гордость, а самодурство.

Не знаю также, гдѣ воспитывался Дмитрій Андреевичъ, братъ его, и откуда у него взялось влеченіе къ наукѣ, а именно къ естествознанію. Въ 20-хъ годахъ онъ былъ вице-губернаторомъ въ Харьковѣ. Вигель въ Запискахъ своихъ съ восторгомъ говоритъ объ образованности, любезности и гостепріимствѣ Дмитрія Андреевича, когда ему Вигелю пришлось пробыть нѣкоторое время проѣздомъ въ Харьковѣ и часто видѣться съ вице-губернаторомъ. Потомъ Дмитрія Андреевича назначили губернаторомъ въ Екатеринославъ; но тутъ онъ что-то напроказилъ, да такъ напроказилъ, что могъ получить *чистую* отставку только при условіи невмѣняемости. Съ его средствами было совершеннымъ пустякомъ заставить признать себя сумасшедшимъ. Въ качествѣ таковаго онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей роскошной Константовкѣ подъ Зміевымъ. Не знаю также, до губернаторства или во время его, Дмитрій Андреевичъ женился на графинѣ Самойловой. Свадьбу отпраздновали съ подобающею положенію жениха пышностью и торжественностью; но на другое утро послѣ вѣнчанія, новобрачный велѣлъ запрячь дормезъ шестерикомъ, съ галантностью настоящаго петиметра усадилъ въ него молодую жену свою, вѣжливо раскланялся и махнулъ рукою. Лошади понеслись, и супруги больше не видались.

Любопытно, что Балавенскіе такъ далеки тогда были отъ Захаржевскихъ, что никто изъ нихъ потомъ не могъ сказать мнѣ не только изъ-за чего произошелъ этотъ разрывъ у новобрачныхъ, но даже какъ была прежняя фамилія этой эфемерной жены Дмитрія Андреевича и что̀ съ ней послѣ разрыва сталось.

Въ Константовкѣ Дмитрій Андреевичъ зажилъ тихо и одиноко. Подозрѣвали, что его очень мучило неудовлетворительное честолюбіе. Конечно многіе родственники жаждали часто навѣщать его, заслужить его благосклонность; но онъ скоро всѣхъ отъ себя отвадилъ. Живой человѣкъ не можетъ однакожъ жить безо всякихъ жизненныхъ интересовъ, и у него начали заявляться двѣ склонности: къ естественнымъ наукамъ и къ деньгамъ. Онъ дѣлался все скупѣе и скупѣе, копилъ да копилъ, сначала тысячи, потомъ сотни тысячъ и наконецъ, говорятъ, милліоны. О скупости его много было толковъ, можетъ быть и преувеличенныхъ. Онъ не только не принималъ у себя никого яко бы изъ нежеланія кормить - поить гостей (это могло быть и изъ-за другихъ причинъ), онъ и себѣ отказывалъ въ хорошей пищѣ: для дешевизны закупалъ несвѣжіе продукты, такъ что наконецъ совершенно утратилъ обоняніе и вкусъ, ѣлъ совсѣмъ гнилое мясо, затхлую муку и испорченныя овощи. Родные, навѣщая его, съ самоотверженіемъ достойнымъ лучшей участи, насыщались его фатальными обѣдами, хворали отъ нихъ, старались скрыть это отъ мил-

ліонера-родственника, но мало-по-малу, безцеремонно отталкиваемые имъ, оставили его въ покоѣ. Но были посѣтители, имѣвшіе къ нему легкій доступъ; являлся, напримѣръ, мужикъ въ Константовку, даже не свой мужикъ, а чужой, незнакомый, и смѣло проходилъ къ барскому дому. «Чего тебѣ?» спрашивалъ у него кто-либо изъ дворни. «До пана, до енарала: жука чудного принисъ», не смущаясь пояснялъ мужикъ. И его безпрекословно допускали до самого пана; онъ лично передавалъ пану своего жука и, смотря по рѣдкостности экземпляра, получалъ, послѣ чарки водки, малую толику грóшей. И не всегда малую: разъ, говорятъ, панъ отвалилъ за жука тысячу рублей ассигнаціями (300 р. с.) Впрочемъ злые языки увѣряли, будто у него въ этомъ дѣлѣ была охота смертная, да участь горькая: будто онъ принималъ иногда обыкновенныхъ жуковъ за представителей рѣдкой породы.

Дмитрій Андреевичъ выѣзжалъ изрѣдка изъ своей Константовки, къ сестрѣ Похвисневой и къ теткѣ Дуниной. И сестра, и племянники ухаживали за богачемъ-родственникомъ въ ожиданіи будущихъ благъ; ухаживали и у Дуниной, неизвѣстно ужъ, съ какими ожиданіями.

Какое интересное *дворянское гнѣздо* являлъ собою богатый, людный домъ Дуниной въ Старыхъ Водолагахъ (Валковскаго уѣзда). Еслибъ среди людей, близко съ нимъ знакомыхъ хотя бы по преданію, нашелся человѣкъ съ талантомъ, чтобъ написать его хронику, какое занимательное чтеніе она бы собой представила. Родство огромное и самое разнообразное, множество молодежи, стремившейся къ этому разсаднику знатныхъ невѣстъ, слывшихъ и богатыми, домъ - полная чаша, тонъ самый аристократическій, расцѣнка посѣтителей для тѣхъ или другихъ цѣлей, подходы и дипломатическія уловки въ матримоніальныхъ видахъ...

Марья Дмитріевна была не только богатой и знатной барыней; она была умной женщиной, гостепріимной хозяйкой и прекрасной матерью. Она отлично воспитала и пристроила всѣхъ своихъ дочерей, красивыхъ и некрасивыхъ и, не смотря на молву, не Богъ знаетъ какихъ богатыхъ. Чтобъ хорошо пристраивать дочерей, требуется конечно извѣстное мастерство: въ Водолагахъ оно доходило до настоящей виртуозности... Старшая дочь Дуниной, молоденькая и хорошенькая Елена вышла впрочемъ замужъ *просто*, безо всякой дипломатіи. Къ ней присватался очень пожилой и чиновный графъ Сиверсъ. «Дитя мое, гр. Сиверсъ дѣлаетъ тебѣ предложеніе: мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ ты за него вышла», объявила ей конечно по-французски мать. Ваша воля, maman, всегда была и будетъ для меня закономъ, отвѣчала дѣвушка. «Графъ, прекрасный человѣкъ: я увѣрена, что ты бу-

дешь съ нимъ счастлива», добавила мать. «Я употреблю всѣ усилія, чтобъ сдѣлать его счастливымъ», заявила дочь. Бракъ состоялся, и молодая жена со старымъ мужемъ прожили вѣкъ въ любви и согласіи, всѣмъ на удивленіе. Но не всегда дѣло улаживалось такъ скоро и просто; иногда приходилось нешутя пораскинуть умомъ, что́ дѣлать, да какъ быть. Повадился, напр., къ Дунинымъ нѣкій Курисъ; по своему имущественному и общественному положенію онъ могъ быть приличнымъ женихомъ для горбатенькой Катерины Ивановны, но красавица Авдотья Ивановна должна была сдѣлать партію гораздо лучше этой; а онъ началъ ухаживать именно за ней. И вотъ, съ мастерствомъ истиннаго художника, Марья Дмитріевна не только не допустила его до нежеланнаго предложенія и слѣдов. не отвадила отъ дома, а даже, Богъ вѣсть какими махинаціями, устроила такъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе Катеринѣ Ивановнѣ. Остальныя дочери Дуниной вышли тоже за людей богатыхъ или чиновныхъ *); въ концѣ 20-хъ годовъ онѣ всѣ были пристроены.

Чудесно жилось въ Водолагахъ, жилось той широкой привольной, окруженной почетомъ жизнью, которою жили старинные баре. А впереди видѣлось еще кое-что отрадное: богатый братъ Марьи Дмитріевны, Александръ Дмитріевичъ Норовъ, большой кутила, немножко по своему вольнодумецъ, безпрестанно мѣнялъ своихъ метресъ, могъ насчитать (хотя вѣроятно и не считалъ) десятки случайныхъ дѣтей и не загадывалъ о женитьбѣ. Сестрицамъ предстояло слѣдов. хорошее наслѣдство. И у нихъ заботливо поддерживались близкія сношенія съ легкомысленнымъ, невоздержнымъ на языкъ братцемъ, который часто являлся диссонансомъ въ ихъ солидной, нѣсколько чопорной сферѣ. Дядя Пав. Гр—чъ разсказывалъ напр. такой случай, которому онъ былъ свидѣтелемъ въ качествѣ жениха Елены Дмитріевны (protegée Дуниной). Въ Водолагахъ всѣ были очень заняты личностью и ролью родственника своего А. Х. Б. и толковали о немъ безпрестанно. Разъ за обѣдомъ при гостяхъ зашла о немъ рѣчь, дамы распространялись о немъ съ паѳосомъ и увлеченіемъ конечно по-французски. Норову это надоѣло.—Сестрицы! заговорилъ онъ по-русски: что̀ вы такъ носитесь со своимъ Б.! Что́ онъ сдѣлалъ-съ? Спасъ онъ отечество, или большія сраженія выигрывалъ, или законы благодѣтельные написалъ? Ничего такого онъ не сдѣлалъ. По моему вашъ Б.....».—Картина!

---

*) Одна изъ нихъ вышла за Густава Ѳедоровича Пилларъ-фонъ-Пильхау (онъ потомъ командовалъ кирасирской дивизіей). Другой братъ его, Карлъ Ѳедоровичъ, командовалъ уланской дивизіей. Юрій Арнольдъ въ своихъ воспоминаніяхъ очевидно смѣшиваетъ двухъ братьевъ: Карлъ Ѳ—чъ былъ женатъ на кн. Кудашевой, внучкѣ Кутузова.

И къ великому отчаянію сестрицъ вся эта снисходительность пропала даромъ, всѣ такія жертвы приличіемъ ради богатаго, хоть и не совсѣмъ удобнаго братца, оказались напрасными. На старости лѣтъ этотъ мотылекъ-братецъ вдругъ вздумалъ покрыть вѣнцомъ одинъ изъ безчисленныхъ грѣховъ своихъ, жениться на старой любовницѣ изъ своихъ, кажется, крѣпостныхъ, и узаконить прижитыхъ съ нею дѣтей. Сестры узнали это и пришли въ ужасъ. Рѣшено было пригласить братца въ Водолаги и усовѣстить его. Братецъ пріѣхалъ. Случилось такъ, что и опять былъ тутъ дядя Павелъ Григорьевичъ, уже женатый на Еленѣ Дмитріевнѣ. Сестры начали разговоръ при немъ; Елисавета Дмитріевна особенно долго говорила по-французски съ жаромъ и дрожаніемъ голоса. Вѣроятно она коснулась чего-нибудь очень щекотливаго... Александръ Дмитричъ сорвался съ мѣста и схватился за карманъ... — Сестрица! застрѣлю, закричалъ онъ нечеловѣчьимъ голосомъ.

Елисавета Дмитріевна захватила подъ руку Павла Григорьевича и потащила его въ садъ. Долго тамъ она водила его по аллеѣ и что-то съ азартомъ и негодованіемъ ему по-французски разсказывала, совершенно позабывъ, что онъ по-французски ничего не понимаетъ...

А скандалезный бракъ все-таки состоялся.

Въ тридцатыхъ годахъ подростали ужъ и внучки Марьи Дмитріевны, которымъ тоже нужно было пріискивать жениховъ. Это было еще труднѣе: внучекъ было множество; были и богатыя, и побѣднѣе, были и хорошенькія, и дурныя, и *такъ-себѣ* (этихъ-то больше всего, какъ и вездѣ вообще). Дочери Софьи Ивановны Бахметевой были богаты, а дочери графини Сиверсъ или Варвары Ивановны Пилларъ-фонъ-Пильхау, съ самыми скромными средствами. Поэтому жениховъ опять-таки приходилось строго сортировать. Появился, напримѣръ, въ Водолагахъ нѣкій Гудима-Левковичъ, молодой Полтавскій помѣщикъ хорошей фамиліи и съ изряднымъ состояніемъ. Для гр. Софьи Карловны Сиверсъ онъ бы годился, но онъ началъ замѣтно ухаживать за Катериной Николаевной Бахметевой, красавицей и богатой невѣстой. Не смотря на всевозможныя ухищренія, влюбить его въ гр. Сиверсъ не удавалось; тутъ-то пригодился Дмитрій Андреичъ. Устроили такой маневръ: предупредили его конечно, пригласили въ Водолаги, а когда онъ пріѣхалъ, всѣ какъ бы невзначай вышли изъ комнаты, кромѣ гр. Сиверсъ и Гудима-Левковича; онъ засталъ ихъ вдвоемъ. «А а! вотъ они!» возгласилъ онъ: «я слышалъ, знаю и очень радъ. Поздравляю жениха и невѣсту». Гудима-Левковичъ такъ потерялся отъ этой неожиданности, что... принялъ поздравленіе и конечно потомъ не отрекся отъ внезапной невѣсты. Замѣчательно, что всѣ подобные браки у Дуниныхъ выходили совсѣмъ благополучными; а вотъ Е. Н. Бахметева

потомъ вышла замужъ по любви за извѣстнаго богача, меломана и красавца кн. Юрія Николаевича Голицына, бывшаго послѣ Тамбовскимъ губернскимъ предводителемъ, а впослѣдствіи, по раззореніи, антрепренёромъ и дирижеромъ извѣстнаго пѣвческаго хора. Этотъ бракъ по любви вышелъ совсѣмъ несчастнымъ. Супруги вскорѣ даже вовсе разъѣхались, что̀ въ тѣ времена не было такою заурядною вещью, какъ теперь, а въ корректной до пуризма Дунинской семьѣ тѣмъ менѣе. Прошло много лѣтъ. Марья Дмитріевна пристроила всѣхъ почти своихъ внучекъ, и наконецъ сама мирно почила, окруженная многими поколѣніями своей огромной семьи. У Похвисневой и Бенкендорфъ выросли, переженились дѣти, у послѣдней даже и внуки, и онѣ обѣ скончались, а Дмитрій Андреичъ жилъ да поживалъ себѣ въ своей Константовкѣ, собиралъ жуковъ, кормилъ рѣдкихъ гостей своихъ вонючими обѣдами и копилъ-копилъ деньгу́. Имѣнія его давали громадный доходъ; въ Изюмскихъ степяхъ, по сосѣдству съ Гороховатскимъ шляхомъ, гдѣ нѣкогда погибъ доблестною смертью его предокъ въ бою съ поганой Татарвой, у него ходило свыше 30000 головъ породистой овцы мериносовъ; денегъ своихъ онъ не помѣщалъ въ банкъ, хотя самъ учредилъ банкъ для своего уѣзда (Зміевскаго), а держалъ онъ деньги въ сундукахъ и укладкахъ въ своей спальнѣ. Отсюда ему и бѣда приключилась.

Кажется, въ пятидесятыхъ годахъ Дмитрій Андреичъ избралъ себѣ наслѣдникомъ Николая Ивановича Похвиснева, младшаго сына своей сестры Надежды Андреевны. У Похвисневыхъ было свое прекрасное состояніе; можетъ быть, они бы имъ благополучно и прожили, но перспектива будущихъ милліоновъ совсѣмъ спутала ихъ разсчеты. Николай Ивановичъ уступилъ свою часть родительскаго состоянія старшему женатому уже брату своему Дмитрію Ивановичу, съ которымъ былъ очень друженъ, и самъ остался ни съ чѣмъ. А жить чѣмъ-нибудь нужно было, и притомъ будущему милліонеру нельзя же было жить скудно и скаредно, да и брату его можно было позволить себѣ то-другое лишнее въ ожиданіи будущихъ благъ. Похвисневы зажили не по средствамъ и въ долгъ. Дмитрій Андреичъ ничѣмъ не помогалъ своему наслѣднику; отъ него даже скрывали задолженность Николая Ивановича: боялись, чтобъ онъ не лишилъ его наслѣдства за расточительность. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Похвисневъ былъ въ долгу, какъ въ шелку. Невѣроятно, сколько насчитывали на немъ его кредиторы, пользуясь его добродушіемъ и ссылаясь на необезпеченность должника. Баснословные разсказы ходили о томъ, какіе проценты брали съ него мѣстные растовщики, особенно одинъ изъ нихъ, бывшій чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ, отставленный отъ службы

чуть ли не по 3-му пункту губернаторомъ П. П. Дурново, года три до смерти Захаржевскаго. Этотъ артистъ получалъ говорятъ по 1000% и болѣе (конечно % только приписывались). Помогла и любовь. Николай Ивановичъ былъ влюбленъ въ замужнюю свѣтскую женщину и очень тратился на подарки и сюрпризы, которые при ея вкусахъ стоили недешево. Время шло, Похвисневъ перебивался и страшно бѣдствовалъ; наконецъ въ началѣ Декабря 1871 г. онъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ. Говорятъ, старикъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ страшное негодованіе, порѣшилъ уничтожить сдѣланное въ пользу Похвиснева завѣщаніе и вызвалъ къ себѣ, въ качествѣ предполагаемаго новаго наслѣдника, Оффенберга, внука сестры своей Бибиковой-Бенкендорфъ. Но онъ не успѣлъ пріѣхать: чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Похвиснева объявили несостоятельнымъ, Дмитрія Андреевича нашли въ постели мертвымъ. Тутъ ужъ не только трудно, но даже и невозможно разобраться въ массѣ толковъ, сплетень и пересудовъ. Попытаться однако слѣдуетъ. Вотъ что у меня удержалось въ памяти изъ того, что́ я узнала отъ наиболѣе достовѣрныхъ лицъ вдобавокъ къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, добытымъ судебнымъ слѣдствіемъ. Я стараюсь держаться наиболѣе вѣроятныхъ источниковъ и устранить все очень уже фантастическое, а также все черезчуръ ядовитое.

Когда Захаржевскаго нашли въ постели мертвымъ, немедленно дали знать о томъ и Похвисневу, и душеприказчику покойнаго, его родственнику графу Александру Карловичу Сиверсу *), человѣку очень умному и опытному администратору. Графъ нашелъ конечно очень натуральнымъ, что столѣтній почти старикъ умеръ ночью *своею смертью*, у себя на постели.

Все-таки изъ предосторожности нужно произвести легонькій, поверхностный осмотръ, сказалъ онъ уѣздному врачу, прибывшему въ Константовку съ исправникомъ и прочимъ потребнымъ для даннаго случая уѣзднымъ людомъ. Осмотръ произвели: у покойнаго оказались сломанными ребра. Тогда вскрыли трупъ и удостовѣрились, что старикъ умеръ отъ удушенія. Прежде всего заподозрѣли ближайшую прислугу покойнаго, кое-кого арестовали и допросили; но это не привело ни къ чему. Замѣчательно однако, какъ быстро новые судебные порядки овладѣли довѣріемъ народа. Когда по Харькову пошелъ слухъ о насильственной смерти Захаржевскаго и о томъ, что ищутъ и не находятъ виновныхъ, одинъ легковой извозчикъ самъ явился къ вла-

---

*) Онъ былъ сначала Екатеринославскимъ, потомъ Харьковскимъ и наконецъ съ 1866 года Московскимъ губернаторомъ.

стямъ и заявилъ, что наканунѣ смерти Захаржевскаго онъ возилъ двухъ неизвѣстныхъ ему мужчинъ по направленію къ Константовкѣ (возможна ли была такая добровольная явка при прежнихъ слѣдственныхъ порядкахъ? а вѣдь не прошло и пяти лѣтъ, какъ они сданы были въ архивъ). Неизвѣстные остановились на постояломъ дворѣ вблизи Константовки, оставили тамъ своего извозчика и вечеромъ сами ушли, а къ утру возвратились съ небольшой ношей въ рукахъ и уѣхали въ Харьковъ. По примѣтамъ, даннымъ извозчикомъ, и съ его помощью начали искать неизвѣстныхъ, и нашли. Оказались—лакей Похвиснева и бывшій лакей Захаржевскаго, недавно имъ разсчитанный. Ихъ конечно арестовали. На первыхъ порахъ они оговорили Похвиснева: «Подговорилъ-де; обѣщалъ то и то». Потомъ скоро что-то оговоръ этотъ сняли; стали показывать, что убили старика изъ жалости къ Николаю Ивановичу, который такъ сильно нуждался въ ожиданіи милліоннаго наслѣдства, признались, между прочимъ, что давно таскали сторублевки изъ сундуковъ въ спальной: старикъ никогда не считалъ бумажекъ въ пачкахъ, а считалъ только самыя пачки. И какъ они не сообразили, что воровать потихоньку сторублевки и безопаснѣе, и выгоднѣе! Правда, лакей Захаржевскаго былъ уволенъ; быть можетъ, того же ждалъ и лакей Похвиснева, и потому-то они оба рѣшились на такое рискованное злодѣяніе.

Не знаю ужъ, такъ ли сильна была увѣренность властей въ невиновности Похвиснева, или такъ велика сила милліоновъ даже для неподкупной прокуратуры начала семидесятыхъ годовъ, но Николая Ивановича не безпокоили. Само-собой поднялись сплетни, будто и слѣдователи, и прокуроры куплены. Нужно сказать, что, съ неосмотрительностью человѣка, чувствующаго себя выше подобныхъ подозрѣній, прокуроръ судебной палаты постоянно игралъ въ клубѣ *по-большой* съ Похвисневымъ, который былъ очень слабый игрокъ, да притомъ и карты держалъ вѣеромъ. Это очень занимало мѣстную публику: многіе нарочно ходили въ ту комнату, гдѣ они играли, чтобъ хоть мелькомъ взглянуть на эту сцену.

Между тѣмъ завѣщаніе Захаржевскаго было утверждено не по всѣмъ статьямъ: не утвердили именно той, по которой душеприказчикомъ назначенъ былъ графъ Сиверсъ и въ распоряженіе его предоставлялось 300 тысячъ для извѣстныхъ ему цѣлей, вѣроятно благотворительныхъ. Извѣстно, что душеприказчикъ ничего не долженъ наслѣдовать послѣ завѣщателя, а графу Сиверсъ Захаржевскій завѣщалъ свои карманные часы; говорятъ, это было предлогомъ, что графа душеприказчикомъ не утвердили. Такимъ образомъ всѣ милліоны полностію

и безъ исключенія должны были перейти къ Похвисневу, кромѣ развѣ очень мелкихъ выдачъ, если такія были; я что-то о нихъ не слышала.

Но тутъ произошло нѣчто совсѣмъ невѣроятное.

Милліоны эти расплылись самымъ непостижимымъ образомъ, а самъ Похвисневъ, безнадежно больной, уѣхалъ лѣчиться заграницу и тамъ скончался. По смерти его пошли съ молотка всѣ имѣнія его и вся движимость.

Баснословные разсказы ходили о томъ, какъ все это продавалось и покупалось, По грошовымъ цѣнамъ разошлось цѣнное и безцѣнное имущество... Слышно было, что въ восьмидесятыхъ годахъ Дмитрій Ивановичъ Похвисневъ поднялъ дѣло о неправильной продажѣ достоянія брата, но дѣло это не пошло, заглохло и умерло. А между тѣмъ ходили сплетни, что Н. И. Похвисневъ увезъ будто бы за границу милліоны Захаржевскаго и не умеръ тамъ, а бѣжалъ въ Америку, схоронивъ подъ своимъ именемъ кого-то другого. Былъ еще варіантъ этой сплетни: нѣкоторые видѣли будто бы Николая Ивановича въ Петербургѣ на Невскомъ, когда онъ считался уже умершимъ и погребеннымъ. Но это ужъ переноситъ насъ немножко ко временамъ маіора Ковалева и цирульника Ивана Яковлевича...

Интересно, чтобъ когда-нибудь, во время благопотребное, кто-нибудь извлекъ изъ архивовъ Харьковскаго и Изюмскаго суда дѣло объ убійствѣ Захаржевскаго, о несостоятельности Похвиснева, о продажѣ его имущества, дополнилъ бы его показаніями правдивыхъ очевидцевъ, особенно по части задолженности Николая Ивановича и подвиговъ мѣстныхъ Шейлоковъ, и освѣтилъ бы все это не юридическимъ только, а и психологическимъ анализомъ. Вышло бы интересное сказаніе...

Такимъ образомъ угасло мужское потомство славнаго рода Донецъ-Захаржевскихъ, о которомъ такъ горячо заботилась когда-то прабабка Анастасья Лаврентьевна; угасло, какъ бы въ подтвержденіе словъ Евангелія: *Тако собираяй себѣ, а не въ Бога богатѣя...*

Женскаго потомства много. Есть дворянскіе роды: Балавенскіе, Гурьевы, Клугены и проч. Но есть и знать: князья Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе (отъ Елены Павловны, рожденной Бибиковой); есть П. П. Дурново, сынъ Маріи Васильевны, княжны Кочубей по отцу (дочери той же кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, во второмъ бракѣ кн. Кочубей), бароны Оффенберги, Задонскіе. Но никто изъ нихъ не захотѣлъ или не могъ удержать знаменитое когда-то родовое имя. Нѣтъ болѣе Донецъ-Захаржевскихъ! Sic transit gloria mundi.

Н. Башкирцева.